

К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией

В. М. Фалин*

В октябре 1998 г. официальный Лондон покался: было такое — в канун капитуляции нацистской Германии объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании, во исполнение директивы премьера У. Черчилля, действительно готовил нападение на Советский Союз. Цель «экстренной операции», получившей кодовое название «Немыслимое», обозначили так: «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Способ достижения цели — «разгром России в тотальной войне». Дата начала агрессии — 1 июля 1945 года объединенными силами США, Англии, Британских доминионов, Польского экспедиционного корпуса и 10 дивизий вермахта с последующим наращиванием немецкого контингента, возможно, до 40 боевых единиц.

Альбион поднимал забрало: ситуация, по аршиону Черчилля, созрела для реализации многовекового британского умысла — перекрыть «русским варварам» кислород. Изможденному запредельным напряжением в противоборстве с нацистским нашествием СССР, полагал премьер, не удалось бы отразить новую напасть, по масштабам и ресурсному обеспечению затмевавшую все прежде изведенное.

Не стану вдаваться в разбор причин, как и почему отцам «демократии» и почитателям «прав человека» не удалось с ходу перевести Вторую мировую войну в Третью мировую. Для раскрытия темы существенней прояснить, являлось ли намерение Лондона пуститься во все тяжкие спонтанной реакцией на выскользнувшее из его тенет развитие в Европе или же опять раскрывалась натура оборотня, не ведающего ни вечных друзей, ни вечных врагов, ставящего свой интерес выше заповедей в христианском и любом ином их прочтении?

Присмотримся к стратегии и тактике Альбиона в роковые фазы первой половины XX века. Что каса-

ется Восточного полушария, едва ли не во всех кризисах проступал британский след — сценарный или исполнительский. К сожалению, час недозированных откровений на Биг-Бене не пробил. Иначе сколько, помимо «Немыслимого», открылось бы нам сокровенных тайн — о братании Лондона с Токио в 1900–1939 гг., о британских «треволнениях» под этикеткой «Балканы», высекавших пламя Первой мировой войны, о пестовании «демократами» экстремизма в Италии и Германии, мостившем пути-дороги во Вторую мировую! Нет, молчание не всегда золото, особенно если помнить, что семена войны, даже ненароком оброненные, сохраняют всхожесть дольше, чем просто семена, десятилетиями поджидающие каплю влаги в знойных пустынях.

Для тех, кому не чужд системный анализ становления фронтов Второй мировой войны, идейный подтекст операции «Немыслимое» не является неожиданным-негаданным. Черчилль не единожды в 1941–1945 гг. примерялся сдать «русского союзника». Сначала, чтобы не запоздать к дележу наследства фатально, в сознании премьера, обреченного. Позже его идефикс сделалось затягивание войны, дабы в итоге Россия поспела не на пир победителей, а в реанимацию.

Обратимся к черчиллевскому прочтению советско-британского соглашения от 12 июля 1941 года. Минула пара месяцев после его подписания, и премьер озадачил своих коллег по военному кабинету: «Возможность сепаратного мира не может быть исключена». В момент, когда битва под Москвой решала исход всей войны, Черчилль развил свою задумку: «Мы сделали публичное заявление (так межгосударственное соглашение от 12.07.1941 г. деградировали в некую декларацию), что не будем вести переговоры с Гитлером или нацистским режимом... Но мы зашли бы слишком далеко, если бы заявили, что не будем вести переговоры с Германией, взятой под контроль

* Валентин Михайлович Фалин — доктор исторических наук

ее армией. Невозможно предсказать, какое по форме правительство может оказаться в Германии тогда, когда ее сопротивление будет ослаблено и она захочет вести переговоры». В октябре 1942 г., за три недели до перехода Красной Армии в контрнаступление под Сталинградом, британский лидер назвал долгом «демократий» «задержать русских варваров настолько далеко на востоке, насколько возможно». Понятно, с помощью нацистского вермахта.

Этого вектора Лондон держался до дня капитуляции Третьего рейха. К нему он всячески старался в 1941–1944 гг. приобщить Соединенные Штаты (и небезрезультатно). Неверность ангосаксов бравшимся перед Советским Союзом обязательствам, разрыв слов и дел продлили кровопролитие на европейском ТВД минимум на два — два с половиной года, что обошлось народам в миллионы и миллионы дополнительных жертв. Двурушничество «демократов» и стало повивальной бабкой «Немыслимого».

Отступим от хронологии. По недосмотру получили огласку фрагменты протокола «Военные соображения в отношениях с Россией», обобщившего содержание переговоров руководителей США и Великобритании, а также их военных чинов в Квебеке. Адмиралы и генералы, следуя из протокола, обсуждали 20 августа 1943 г. вопрос: «не помогут ли немцы» высадке войск США и Англии на территорию Германии, «чтобы сообща дать отпор русским». Под намеченный альянс «демократов» и вермахта президент Рузвельт и премьер Черчилль утвердили в Квебеке план «Рэнкин», призванный застопорить продвижение Советского Союза на дальних подступах к Центральной Европе. Пресловутый второй фронт перекантовывался в войну на два фронта. Замечу для ясности — самая жестокая в истории человечества, сломавшая хребет нацистской нечести Курская битва закончилась 23 августа.

Почему за ориентир старта «Немыслимого» было взято 1 июля? Если судить по документам, весной 1945 года англо-американские прорицатели полагали, что вермахт удержит фронт против Красной Армии еще примерно с полгода, а то и дольше. Тем временем рассчитывали со второго захода провести рокировку во властных структурах Германии и сделать явью кредо «Рэнкина» — под контроль Вашингтона и Лондона, наряду с Австрией, Чехословакией, Югославией, Албанией, Грецией, должны были попасть Болгария, Румыния, Прибалтика и Польша. Таким образом, состоялось бы переиздание «санитарного кордона», отрезающего «российских варваров» от «лучезарной западной цивилизации».

К чему, могут спросить, копать в непристойном коварстве Альбиона, в «самой необузданной разновидности дебоша, сбивающего с толку», как аттестовал действия Черчилля военный министр рузвельтовской администрации Г. Стимсон? На то наличествуют более чем веские доводы. Выборочный подход к трагическим перипетиям недавнего

прошлого не позволяет постичь связь времен, взаимообусловленность доктрин и явлений. Лондон и Вашингтон, повторюсь, не горят желанием распахнуть свои документальные закрома. Им есть что таить от стороннего взгляда, что ни по каким критериям не делает чести оракулам либерализма, отвесь они хоть сто раз по сто поклонов виртуальной демократии. Тем не менее умолчанию британских и вашингтонских доброхотов наперекор можно при желании достоверно установить, кто кем был в XX веке и кто есть что сейчас.

Позволю себе дерзкое сопоставление. Попробуем вскрыть концептуальные совпадения в событиях Первой и Второй мировых войн, равно как и «холодных войн», за ними последовавших.

Внешне британская линия поведения выглядит алогичной до несуразности, а кому-то может показаться прагматичной до приспособленчества. Ложное впечатление. Основные вехи стратегии Альбиона, задававшего тон в европейских и отчасти в глобальных делах до середины XX века, выводились одним пером и порой одной жесткой рукой. Морской министр У. Черчилль, вкупе с шефом Форин-офиса Э. Греем, преднамеренно рулил к вооруженному столкновению Германии и Австрии с Россией и Сербией, переросшему в мировую схватку. Он же, Черчилль, стал заводилой дарданелльской авантюры (февраль 1915 г. — январь 1916 г.) с задачей навесить британский замок на черноморские проливы. Побоку дававшиеся Николаю II заверения, что в вопросе о проливах приоритеты за Россией.

Хуже того. Англичане и с их подачи французы прикидывали, как бы и где бы ущемить российскую безопасность по периметру царской империи. Германия — противник, и ее флирт с сепаратистами в Грузии, происки в Прибалтике, Польше, Белоруссии, Украине объяснимы. Но ведь заодно с немцами на Кавказе, а затем уже без немцев в Среднеазиатском регионе обустроивались «демократы». Как прикажете сие толковать?

Или. Отречение Николая II Лондон воспринял без надрыва. Русские солдаты своими жизнями продолжали восполнять прорехи на западном ТВД. Это — главное. Новая внутривосрийская диспозиция их даже устраивала: нет царя — нет стеснительных обязательств перед Петроградом. И чем глубже Россия погружалась в хаос, тем больше появлялось шансов довершить задумки Крымской войны в Европе и Азии. Тут, как нельзя кстати, подоспел Октябрь. Сыскался жупел, позволявший перекрасить банальные империалистические вождедения, выдать русофобию за некую «спасительную миссию» от угроз, нависших над привычным для «цивилизованных» европейцев образом жизни.

Закоперниками предания российского бастарда анафеме выступили французский президент Ж. Клемансо и британский военный министр У. Черчилль. Последний потребовал «усмирить революцию вой-

ной», «отгородить Советскую Россию от Западной Европы кордоном неистово ненавидящих большевиков государств». Верховный совет Антанты принял решение о вооруженном вмешательстве в российские события. 23 декабря 1917 г. была утверждена конвенция о разделе России на «сферы действий». Англичанам вверялись Кавказ, казачьи области на Дону и Кубани плюс прикаспийские регионы. За французами закреплялись Белоруссия, Украина, Крым. Соединенные Штаты, формально не авторизуя конвенцию, выговорили себе Сибирь и Дальний Восток.

Тогда же, в декабре, ангlosаксы вошли в контакт с австрийцами на предмет блокирования Антанты и Четвертного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) за счет России и против России. Так откликнулись «демократы» на советское приглашение (21 ноября 1917 г.) всех конфликтующих сторон к замирению. Не принесли плодов также попытки Советской республики склонить нейтральные государства к посредничеству в налаживании мирного диалога.

Петроград предупреждал: если обструкция Антанты сделает невозможным взаимное согласие об основах послевоенного мироустройства, он будет вынужден действовать по собственному усмотрению. Советы не собирались причинять ущерб бывшим союзникам России. На открывшихся 3 декабря в Брест-Литовске советско-германских переговорах наши делегаты настояли на включении в решение о перемирии оговорки — выводимые из боя на востоке кайзеровские войска не должны перебрасываться на западный фронт.

Протянутые сквозь прокрустово ложе XX века, мы понимаем иллюзорность апелляций к здравому смыслу и элементарной порядочности, раздававшихся под занавес как Первой, так и Второй мировой войны. Не Устав Лиги Наций и не Устав ООН, эти многочастные оды, воспевавшие мирную благодать, не заветы «мечтателей», в которые без достаточных к тому оснований зачисляли постверсальского Бриана и послелялтинского Фр. Рузвельта, маркировали маршруты движения. «Если в жизни есть что-то неизбежное, то таким неизбежным является война между США и Россией, и ее надо начать как можно раньше», — гласил документ госдепартамента от 19 мая 1945 года. А в 1946 г. администрация Трумэна твердо решила для себя и за других — какую бы политику ни проводила Москва, само существование Советского Союза не совместимо с американской безопасностью, и принялась по новой отсчитывать круги ада.

Чем досадила империалистическому истеблишменту смена социальной формации в отдельно взятой стране? Советы звали к «справедливому демократическому миру без аннексий и контрибуций», к обузданию милитаризма, к признанию за всеми нациями, большими и малыми, равных прав на свободное самоопределение, к развитию экономических связей на основе взаимной выгоды. Декреты о национали-

зации иностранной собственности и введении монополии государства во внешнеэкономических связях будут приняты позднее. Внутреннее переустройство в России еще не выродилось в братоубийство. Избрание нового патриарха двести лет спустя после ликвидации Петром I этого сана вроде бы сулило модус вивенди мирского и духовного начал. Новая Россия материально не могла ни на кого напасть. Солдат распустили по домам: крестьян ждала истосковавшаяся по плугу земля, рабочим предстояло оживить пришедшие в упадок заводы.

Объективность требует не списывать попытки Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона остудить пыл Клемансо и Фоша, Черчилля и Лансинга. Британский премьер убеждал партнеров: «Большевики, что бы о них ни думали, ведут за собой, по-видимому, большинство населения. Это, безусловно, факт печальный, но негоже игнорировать факты лишь потому, что они неприятны». Президент США в свою очередь сомневался, что английские и американские войска преуспеют в России ввиду «опасений, что их усилия приведут к реставрации старых порядков, которые были даже ужаснее нынешних. Угроза интервенции только укрепляет большевизм».

В конце января 1919 г. Вильсон предложил «союзному совету» вступить в переговоры с правительством Ленина. Из-за категорических возражений Клемансо предложение не прошло. Тем не менее глава Белого дома обратился 21 января 1919 г. ко всем противоборствующим российским группировкам делегировать своих представителей на конференцию, имевшую задачей восстановление мира в стране. Совнарком выразил готовность немедленно вступить в переговоры как с державами Антанты, так и с белогвардейскими «правительствами». Белые отказались садиться за один стол с большевиками. Конференция на Принцевых островах не состоялась.

В марте 1919 г. с ведома Вильсона и Ллойд Джорджа в Москву прибыл У. Буллит, член американской делегации на Парижской мирной конференции. В ходе его переговоров с В. И. Лениным и Г. В. Чичериным был выработан проект урегулирования, который наряду с повсеместным прекращением военных действий предусматривал обсуждение вопроса о мире на следующих принципах: все фактически существующие на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительства сохраняют власть и признают свою ответственность за финансовые обязательства бывшей империи по отношению к иностранным державам и гражданам этих держав; экономическая блокада России прекращается; возобновляется обмен официальными представителями между Советской республикой и иностранными государствами; политзаключенных обеих сторон амнистируют. Советская сторона настояла на внесении в документ еще двух положений, предусматривавших немедленный вывод войск «союзных и объединившихся правительств и других

нерусских правительств» из Советской республики и прекращение военной помощи антисоветским силам в России. Итоги миссии Буллита были дезавуированы Парижем. Вильсон запретил публиковать выработанный проект соглашения, а Ллойд Джордж отрекся от причастности к организации переговоров с Советской Россией.

Чего было больше в лавировании Вильсона и Ллойда Джорджа — хваленого «идеализма», пробиравшихся сквозь заскорузлый консерватизм ростков трезвомыслия или стремления не мытьем, так катаньем раздробить Россию, на время закрепив отдельные ее части за теми или иными воеводами? Возможно, это не удастся распознать и следующему поколению историков. Не все умыслы доверялись бумаге.

Выдвинутая Октябрем программа отвержения насилия, раскабаления всех народов, принятия социальной и межнациональной справедливости за основу добрососедства и согласия — этот «варварский вызов» грозил спровоцировать пандемию. Дискуссии вокруг вариантов реакции «демократий» кончались на неизменной ноте: крамолу извести, если удасться — то заодно с ее носителем, Россией. Клемансо требовал возвести против «заразы» «санитарный заслон». Враги врагов превращались в друзей. Так же, как это повторялось по ходу советско-германской войны 1941–1945 гг.

Курс антантовских авторитетов и курс правителей Германии в 1917–1919 гг. по отношению к России дополнял *in grosso modo* один другого. Каждого из антагонистов устраивал развал Российской державы. По крайней мере, публично «демократы» не поднимали голос в защиту территориальной целостности «союзника», когда еще до Октябрьской революции немцы приобщали к своей добыче Прибалтику и Польшу. Со сменой в Петрограде социальных знаков отличия посягательство на национальные интересы россиян стало нормой. Если бы не прусская фанаберия, неумное британское высокомерие и жажда мести французов за поражение в 1870–1871 гг., их было бы сложно сомкнуть в единый кулак. Опять напрашивается аналогия с провалом потуг «демократов» сговориться с «лучшими немцами» по ходу Второй мировой¹.

Заявки Берлина на чужие владения отражены в стенограммах брестских переговоров. Меньшую известность получили наметки «радетелей» о достойном будущем России. В «Программе мира», представленной президентом США В. Вильсоном конгрессу 8 января 1918 г., признавалось (п. 6) право новой России определять свою политику и пути развития. Как виделась реализация сего «права», следует из комментариев полковника Э. М. Хауза — соавтора «Программы». За оптимальную модель решения «русского вопроса» принималось расчленение бывшей Российской империи на ряд отдельных государств и территорий, зависимых от заграницы. Чтобы так и стало, предлагалось ввести опеку над внут-

ророссийскими «демократическими силами», к коим Советы явно не причислялись.

Госдепартамент США оснастил американскую делегацию на Парижской мирной конференции географической картой, на которой были прочерчены «подновленные» границы Российского государства. За Москвой оставлялась Среднерусская возвышенность, отсекались Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь. Установки Вильсона–Хауза–Лансинга есть первые (к сожалению, не последние) правительственные документы, в коих черным по белому прописано: России надлежит изрядно «подужаться», во имя торжества «Пакс Американа».

На начальной стадии предпочтение отдавалось использованию наемников, коих «демократы» накачивали оружием и деньгами. 10 декабря 1917 г. секретарь Лансинг в записке Вильсону рекомендовал насадить в России военную диктатуру. С благословения президента было отдано распоряжение — «действовать без промедления» в поддержку «движения Каледина». Но скрытно. А ежели правда о «сочувствии» и финансовой помощи атаману со стороны США просочится, все валить на Англию и Францию, которые в свою очередь подряжали казачество на борьбу с советской властью.

Помимо Каледина, Дутова и прочих атаманов западные державы пасли, в частности, главнокомандующего русской армией Духонина, генералов Алексева и Щербачева (в его подчинении находились объединенные русские и румынские армии), предводителя Польского офицерского корпуса Довбор-Мусницкого. Немалые надежды возлагались на Украинскую раду. Последняя доила не одних «демократов». За оказываемые услуги она попутно собирала мзду и с немцев.

Пестрая свора присягала единственному ультиматуму — прав не правый, но сильный, доказывая на каждом шагу: цивилизованная дикость есть худшая из всех дикостей (К. Вебер, немецкий философ и писатель, 1767–1832 гг.). Как ненавистники России приводили свои акции к общему знаменателю? Лучше слов это пояснят конкретные примеры.

Аннексионистские происки по периферии России упоминались. Не заставили себя долго ждать и покушения на исконно русские земли. 18 февраля 1918 г. австро-германские войска ринулись в наступление по всему фронту — от Балтики до Черного моря. Захватчиков не угомонила ратификация (15.03.1918 г.) IV Чрезвычайным съездом Советов Брестского мира. Петроград запросил Вашингтон: не может ли Россия рассчитывать на поддержку США, Англии и Франции на случай дальнейших враждебных актов немцев? Одновременно наша сторона поинтересовалась возможной реакцией бывших союзников на действия Японии, собиравшейся по сговору с Берлином прихватить Владивосток и КВЖД. Обращение осталось без ответа. Французы, правда, прозондировали, не удостоят ли американцы Со-

ветскую Россию помощи в борьбе против Германии. Лансинг вывел на бумаге резолюцию: «Об этом не может быть и речи».

Чем хуже самочувствие Советской республики, тем, по логике Антанты и США, весомее должно было быть давление на нее извне. С ведома Вашингтона Лондон готовил интервенцию в северные регионы России. Как ни печально, этим планам тайно потворствовал зампредседателя Мурманского совета Юрьев. По указке Троцкого он заключил с англичанами и французами «словесное соглашение», освящавшее высадку в Мурманске «дружеского десанта». Для вящей доказательности стремления дружить всерьез и надолго «демократы» собирались послать «союзный отряд» численностью 15 тыс. человек также в район Архангельска. Наступление немцев на западном фронте вынудило англичан и французов притормозить операцию. Однако уже 3 июня совет Антанты постановил: вторжению на Кольский полуостров и в устье Северной Двины быть. На него отряжались британские (28 тыс. человек), американские, французские и итальянские части (более 13 тыс. человек).

Пауза с марта по июнь на Севере восполнялась поощрением Японии к оккупации советского Дальнего Востока. 5 апреля 1918 г. японские войска захватили Владивосток. Американцы и англичане тут же сочли, что и им причитается доля от богатых ресурсов этого региона. Протесты советского правительства по обыкновению были проигнорированы. Это не все. 16 марта, день спустя после ратификации Брестского договора, посол США в России Фрэнсис призвал контрреволюционные силы дружно подняться на свержение советской власти. Им была обещана «немедленная помощь» для — как же иначе — продолжения борьбы с Германией до победного конца. Победы над кем?

Обратимся к Компьенскому перемирию. Зачастую историки обходят те его статьи, что отразили планы победителей превратить Германию в «бастион против русского большевизма» (тезис военного министра Англии лорда Мильнера). Кайзеровские войска подлежали выводу из всех областей Франции, Бельгии, Люксембурга, Австро-Венгрии, Румынии, Турции, Восточной Африки. Немецких солдат удаляли из Эльзаса и Лотарингии, а также с левого берега Рейна. Но убираться из России, согласно ст. 12, им надлежало лишь тогда, когда «союзники, приняв во внимание внутреннюю ситуацию на этих территориях, признают, что для этого настал момент». Союзники выговорили себе свободный доступ на означенные территории (ст. 16), чтобы убеждаться в исправном исполнении немцами данных им инструкций.

Сравним брестский диктат с компьенским. Затруднительно определить, чей жаргон был «похабней». Ясно одно: имперский министр Эрцбергер, как ни прилаживался к русофобскому хомуту, не сумел вывести Германию из компьенского оцепления менее ободранной и обесчещенной. Вместе с тем никто не оспорит, что немцы выволокли Финляндию, Литву,

Латвию и Эстонию на антисоветскую стезю. И пока правителям Германии кое-что перепало от зарешечивания петровского окна в Европу, неудобства холуйства оставались терпимыми. Веймарская республика избегала лезть на рожон.

Но вот Антанта замыслила «поход Авалова» на Петроград. Германским контингентам, что дислоцировались в Прибалтике согласно ст. 433 Версальского договора, отводили роль коренника в авантюре. Берлину достало характера произнести «нет». На это «нет» сыскался суд — немцев выставили из Литвы, Латвии и Эстонии. Почти непоправимо веймарцы разочаровали «демократов» в апреле 1922 г. Рапальский договор пробил брешь в кольце дипломатической изоляции Советов. Сверх того, договор разборчиво — для понятливых — перелагал в правовые формулы философию октябрьского Декрета о мире, вызвавшего к добрососедству без цензов и привилегий.

В восприятии Вашингтона, Лондона и Парижа немцы совершили святотатство. Еще бы! Сколько миллиардов фунтов, долларов, франков потрачено, сколько жертв принесено, чтобы распять Россию! Общая численность иностранных солдат и офицеров, осаждавших в 1918–1922 гг. под стягами Антанты и ее присных Советскую республику, составляла 320–330 тыс. человек. На Дальнем Востоке и в Сибири буйствовало более 150 тыс. интервентов, на юге, в Средней Азии и на Кавказе — около 130 тыс., в северных районах — свыше 40 тыс. И это без зачета почти миллионной группировки Германии и Австро-Венгрии, хозяйничавшей в Белоруссии и в Украине с весны 1918 по середину 1919 г. А удар по престижу?

Особняком стоит польский сюжет. Воссозданная день в день с капитуляцией рейха в Компьене (11.11.1918 г.), Польша под «началом» Пилсудского тотчас зарекомендовала себя возмутителем европейского спокойствия. Оставим без разбора выверты «демократий» на потребу польскому экстремизму, повлекшие, в числе прочего, утрату Литвой Вильнюсского края, а немцами Верхней Силезии с ее угольными богатствами, хотя, строго говоря, это — не эпизоды, но вехи в расшатывании версальской пирамиды. Сосредоточимся на более близком нам — на оттачивании «демократами» подржавевшего «польского копья», обращенного с древних времен против восточного супостата.

Западные державы устроили три похода против Советской республики. В первом (март—июль 1919 г.) главной силой выступала армия Колчака, возведенного с подачи Вашингтона в «верховные правители» России. Это «решающее», по аттестации маршала Фоша, наступление бесславно провалилось. Второй, прозванный Черчиллем «походом 14 держав», длился с июля 1919 по февраль 1920 года. Ставка делалась на генерала Деникина. Ему должны были ассистировать пограничные с Советской Россией страны. За исключением поляков, малые страны рвения не

проявили. Опять фиаско. Костяк последнего, третьего похода Антанты (апрель–ноябрь 1920 г.) составляли Войско польское и белогвардейская армия Врангеля.

Еще до провозглашения Польши суверенным государством «польский национальный комитет», обосновавшийся в Париже, передал своим покровителям меморандум, в котором требовал передачи под контроль армии генерала Галлера, что в ударном темпе формировалась во Франции, Каменеце-Подольска, Брест-Литовска и Ковно. «Эта оккупация, — читаем мы в меморандуме, — гарантировала бы Польше безопасность на востоке и могла бы служить базой для будущих военных операций союзников в России».

При рассмотрении на союзном совещании сей заявки министр иностранных дел Франции Пишон предложил не мелочиться и принять за основу будущего территориального устройства границы «Польского королевства до его первого раздела в 1772 г.». Несмотря на возражения США и Англии, ориентировавшихся на этнический принцип при межевании границ, президент Клемансо продвигал шедшую от Наполеона модель «Польши 1772 года» также на Версальской мирной конференции. Споры кончились наилучшим из возможных вариантов — вопрос о восточных границах Польши и, следовательно, о западной границе России оставили открытым.

Голый расчет понудил «демократов» прочертить «линию Керзона» (08.12.1919 г.), обещавшую теперь уже самостоятельным Белоруссии и Украине «светлое будущее».

После выхода Деникина из игры французы и американцы решили — за неимением лучшего — ввести в действие польский резерв. Его сколачиванием «демократы» занялись по весне 1919 г. США, Англия и Франция поставили полякам полторы тысячи орудий и 10 млн снарядов к ним, 2800 пулеметов, около 400 тыс. винтовок и 576 млн патронов, порядка 700 самолетов², две сотни броневиков, средства транспорта, связи, медикаменты, 3 млн комплектов обмундирования.

Пикантная подробность — для вооружения «свободной Польши» сгодились арсеналы подвергшейся разоружению Германии. Полякам перепало из немецкого наследства 1200 пулеметов, 360 пушек и гаубиц для 30 дивизионов тяжелой артиллерии, 1100 пушек для 63 дивизионов полевой артиллерии.

Штабные разработки запланированных операций велись в основном французским персоналом. 70-тысячная «армия Галлера» проходила обкатку при захвате поляками Минска 8 августа 1919 г. и в других «пограничных инцидентах». Ползучая агрессия набирала обороты с лета 1919 года. Но за официальную дату начала польско-советской войны берется 25 апреля 1920 года. В этот день Пилсудский огласил приказ «о восстановлении исторических польских границ». 7 мая 1920 г. пал Киев. Украшенный венком Батория «начальник» Польши предвкушал триумфальный марш по Москве.

Фортуна — дама капризная. Контрудар Красной армии поверг захватчиков в бегство. Путь панов до Киева и обратно был отмечен погромами и насилием над незащитными детьми, женщинами и стариками. С особой яростью они бесчинствовали в поселках Белоруссии и Украины, населенных преимущественно евреями³. Чуть позже устроители «великой Польши» станут отыгрываться на попавших к ним в плен красноармейцах.

«Демократы» включили все рычаги и регистры ради спасения своих протезе — от угроз новой интервенции до «ублажения» Москвы. Но пока англичане заговаривали нам зубы обещаниями затвердить в качестве границы между Польшей и Советской Россией «линию Керзона», если дальше этой линии войска Тухачевского не продвинулись, французы брали быка за рога. Не теряя ни часа, они организовали массивные поставки (через Германию) оружия, боеприпасов, техники для восполнения польских потерь. Французские офицеры де-факто переняли командование войсками Пилсудского, сотворив «чудо на Висле». Части Красной Армии были вынуждены откатиться на исходные позиции.

Маршал Фош, вдохновитель «чуда», подбивал западных политиков на мобилизацию 2-миллионной орды против России. Нашествие с западного направления должно было сочетаться с приливом японской агрессивности на востоке. Не упустим, что под контролем Японии оставались в это время обширные районы Дальнего Востока. Советское политическое руководство дрогнуло. Во избежание худшего оно пошло на подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, на восемнадцать с половиной лет располозовавшего по живому Украину и Белоруссию.

«Чудо на Висле», коим французы одарили Пилсудского, стало его путеводной звездой. В мае 1926 г. он установил в стране личную диктатуру, знавшую ответственность лишь «перед Богом и историей». «Начальника» Польши заносило почти на каждом вираже. Он требовал наделения Польши статусом «великой державы», обладающей под стать Франции и Англии правом вето по меньшей мере в восточноевропейском, а еще лучше и в центральноевропейском диапазоне. Польские запросы осложняли ход Локарнской конференции 1925 года. Ее решения лишь усугубляли пороки версальской конструкции, обещавшей благоустроенность на западе и простор для военно-политического блуда на востоке.

Мининдел Франции А. Бриан подал было голос в пользу гарантий неприкосновенности всех сложившихся европейских рубежей и тут же замолк, встретив афронт со стороны англичан и немцев. Квазикомпромисса удостоили польско-германскую и германо-чехословацкую границы — возможные споры предложили решать в арбитраже, а Литве и Советскому Союзу не перепало и сей толики. Веймарский шеф-дипломат Г. Штреземан резюмировал: «В Локарно был взорван краеугольный камень всей

версальской системы». Помимо восстановления суверенитета Германии над Рейнской областью министр предвкусил «возвращение немецких территорий на востоке».

Н. Чемберлен, глава британского Форин-офиса, смотрел глубже и дальше. Он выстраивал безопасную Европу «без России и против России». В локарном договорном комплексе ему виделся новый «священный союз», в котором Германии отводилась функция «бастиона западной цивилизации». Тогда-то лорд Бальфур ввел в оборот понятие «умиротворение».

Британский зов плотнее сомкнуть ряды русофобов чутко восприняла Польша. Локарно лишний раз подтвердил, что большая Антанта сникла, а малая трещала по швам. Прорисовывались контуры иных военно-политических комбинаций, и Варшаве требовалось держать ухо востро, дабы не промахнуть в сотворении очередного кумира. На кого облокотиться — на Лондон или на поднимавшийся с колен Берлин? Пилсудский определится на рубеже 1933–1934 гг.

Между тем А. Бриан, чтобы подлатать реноме Франции, выступил в апреле 1927 г. с предложением объявить войну вне закона и кодифицировать идею «вечного мира» посредством договора между Францией и Соединенными Штатами. Вашингтон настоял на придании договоренности многостороннего характера. Путевку в жизнь пакту Бриана–Келлога дали 15 стран, поставившие под ним 27 августа 1928 г. свои подписи.

Москву не допустили к выработке текста документа. Это наводило на мысль, как заявил Г. В. Чичерин, что в очередной раз оттачивается «орудие изоляции и борьбы против СССР». Наркоминдел имел предостаточно оснований так оценивать ситуацию.

Англия, а также Польша выступили против участия в пакте Советского Союза, утверждая, что осуждение войны и отказ от нее как орудия национальной политики трудно сделать «универсальным» или «подходящим» в отношении непризнанных всеми государствами и к тому же неспособных «обеспечить поддержание доброго порядка и безопасности в пределах их территорий». Французы колебались. За приглашение СССР войти в состав стран — учредителей пакта высказались США. Сошлись на варианте — советских представителей на церемонии подписания документа в Париже не будет, но в тот же день посольство Франции в Москве официально предложит Советскому Союзу присоединиться к пакту.

В конце концов к пакту Бриана–Келлога примкнуло 63 государства. Количество участников, однако, не компенсировало качественных пробелов, присущих этому акту. Мировое сообщество обогатилось декларацией о намерениях. Отдавая себе в этом отчет, Бриан тогда же выступил за учреждение «федеративного европейского союза» как постоянно действующего института (прообраз ОБСЕ), наделенного исполнительскими полномочиями. Советская Россия

загодя исключалась из «союза». На него автор проекта собирался возложить улаживание также социальных трений, упреждение революционных взрывов, преодоление рыночными механизмами экономических трудностей. Против этой инициативы Парижа выступили Англия и Испания, Веймарская республика обусловила присоединение к «союзу» установлением «всеобщего равенства» членом федерации.

Награждение творцов Локарно — А. Бриана, Н. Чемберлена, Г. Штресмана Нобелевскими премиями мира выдавало мину замедленного действия за добродетель. Ситуацию не просветлил и «международный поцелуй», как саркастически квалифицировал пакт Бриана — Келлога один американец. Бал правила одержимость — во что бы то ни стало очистить планету от «скверны». Ее называли «большевистской», пристегивая сей ярлык к любому неудобью.

Читателю дано самому вычислить, имелась ли и какая — взаимосвязь между посулами вернуть немцам «территории на востоке», разрывом Лондоном дипломатических отношений с Москвой (1927 г.) и британскими попытками вовлечь в новое издание антисоветского альянса Германию, Францию, Польшу, Японию, США. «Демократы» уподобили женевские переговоры о разоружении толчению воды в ступе. Они срывали попытки купировать негативную динамику Локарно, откуда бы таковые ни исходили.

Тем больше досадило рьяным «цивилизаторам» заключение СССР и Германией 24 апреля 1926 г. договора о нейтралитете. Он устанавливал: (1) основой взаимоотношений двух стран остается Рапальский договор; (2) в случае неспровоцированного нападения третьей державы или группы третьих держав другая сторона будет соблюдать нейтралитет; (3) стороны не будут примыкать к коалиции третьих стран, имеющей целью подвергнуть экономическому и финансовому бойкоту одного из участников договора.

Москве, кроме того, удалось убедить прибалтов, Румынию и даже Польшу подписать т. н. «протокол Литвинова», который вводил в силу принцип отказа от войны как метода решения межгосударственных споров, не дожидаясь завершения процедуры ратификации пакта Бриана–Келлога другими странами. Позднее СССР достиг договоренности с Литвой, Чехословакией, Югославией, Румынией, Турцией об определении понятия «агрессия».

Англичане в ту пору не уставали твердить: будучи империалистической державой, Британия не может не быть агрессивной.

Эти фланкирующие действия являлись органичной частью советской программы неделимой международной безопасности. Разрыв между накоплением орудий насилия и недеklarативным противовесом им год от года разрастался. Конец мировой войны никак не приближал конца чумы милитаризма. Подрывными акциями и рейдами против Советского Союза воинственный дурман не исчерпывался. Причем раздел мирового сообщества на победителей

и побежденных, на чистых и нечистых не отражал специфики назревавшего очередного передела сфер господства. Геополитика диктовала новое измерение пространства и времени.

Германия в веймаровском издании, повторим, не спешила стелиться под образцовых «демократов». Где выпадал шанс, она искусно играла на слабых струнах претендентов во вселенские поводыри и, случалось, с громким эхо. Рапалло 1922 г. или Берлинский договор 1926 г. тому подтверждение. Беспокойства в Лондоне, Париже и Вашингтоне добавляла чехарда в немецком высшем эшелоне — 14 выборов в рейхстаг за 14 лет (вдвое чаще, чем предусматривала конституция), 14 канцлеров. Теряйся, в кого инвестировать, не будучи уверенным, что на очередном разезде Берлин не сделает своевольный привал. Непорядок. Устранить его могла только твердая рука.

Что касается США, известно — они положили глаз на нацистскую активность еще в 1922 г. Помощник американского военного атташе Т. Смит не преминул отразить в докладной о встрече с Гитлером браваду будущего фюрера — не дожидайтесь, когда вам придется столкнуться с коммунистами на поле брани, поручите нам разделаться с ними. В Вашингтоне сентенции будущего фюрера не оставили без внимания. Так или иначе, помимо «швейцарских» средств к нацистам потекли полновесные американские доллары. И чтобы они не пропали втуне, к Гитлеру пристроили Э. Ганфштенгля. Рожденный от немца и американки, выпускник Гарвардского университета, он был вхож в круг, где обкатывалась политика Соединенных Штатов. По окончании Первой мировой Ганфштенгль прибыл в родные пенаты, завел связи среди мюнхенской знати, деятелей культуры и искусства. Двери их салонов он разомкнул нацистам.

Обтесывание Гитлера, коим занимался Ганфштенгль, дало всходы. Что-то нашло отражение на страницах «Майн Кампф», над которыми подраставший фюрер корпел в 1924 году. Ссуды американца позволили превратить захудалый листок «Фелькишер беобахтер» в общегерманский рупор НСДАП. Заслуги Ганфштенгля будут щедро оплачены. Он получит пост иностранного пресс-секретаря партии и руководителя отдела иностранной прессы в штабе заместителя фюрера. Ганфштенгль организовал контакт Гитлера с семейством Черчилля за полгода до того, как фюрер делается рейхсканцлером⁴.

В 1937 г. Ганфштенгль покинул фюрера и Германию. Исчез незаметно, испытывая, согласно легенде, тревогу за свою безопасность. Или Гитлер сбился с маршрута, на который его наставляли, и тогда из друга сделался врагом? Или Центр счел законченной возложенную на Ганфштенгля миссию? Финал необыкновенной карьеры американца свидетельствует сам за себя — спустя некоторое время однокашник Фр. Рузвельта по Гарварду станет советником президента США.

Подведем промежуточный итог. Нацистское движение обрело размах, и его предводитель покорил властные высоты не вдруг и не с тощей мощной. Сброс в небытие Веймарской республики и замещение ее «тысячелетним рейхом» не верно замыкать на недовольство вялой властью немецкого олигархического капитала, юнкерства и его отпрысков или на мировой экономической кризис.

Конец 1920-х гг. отмечен нагнетанием международной напряженности. «Дыхание грядущей войны чувствуется повсюду», — подчеркивалось в декларации делегации СССР, оглашенной 30 ноября 1927 г. на заседании подготовительной комиссии Лиги Наций по разоружению. Британские консерваторы вкупе с администрацией США моделировали «решительное» нашествие на Советскую Россию. На него планировали подрядить с запада — Францию, Германию, Польшу, Латвию, Эстонию, Румынию, Венгрию, Югославию, остатки группировок Деникина, Врангеля, казачьих атаманов и с востока — Японию, а также Чан Кайши.

Межимпериалистическая рознь подкосила умысел. Разрыв Лондоном дипотношений с СССР не нашел подражателей (кроме Канады). Немцы охотно кассировали предоплату за будущие «подвижки». К 1930 г. на восстановление и модернизацию экономики Германии с внедрением технологий двойного назначения притекло из-за рубежа 28–30 млрд долларов. Немцы выплатили за тот же период репараций на сумму 10–11 млрд марок. Баланс недурной. Однако роль галерных гребцов веймаровскую поросль не соблазняла, что продемонстрировала история с захватом КВЖД, совершенным Чан Кайши по подстрекательству Соединенных Штатов в 1928 году. Подробнее об этом чуть ниже.

Разразившийся в конце 1929 г. «великий кризис» развенчивал империалистическую систему как таковую. Вашингтон, Лондон, Париж пытались обуздать стихию, утоляя аппетиты хищников судьбами других народов. Разящий удар кризиса пришелся на его эпицентр. Промышленное производство в Соединенных Штатах сократилось на 46,2%, национальный доход уменьшился вдвое. 17 млн человек потеряли работу. Для сравнения: в Германии спад производства составил 40,6%, в Японии — 36,7%, во Франции — около трети. Число лишившихся работы — 7,5 млн у немцев, около 3 млн у японцев. Над Англией кризис чуть ослабил, там производство уменьшилось на четверть.

Политический небосвод заволокли грозные тучи. Впервые после войны Севера и Юга в США повисла на волоске гражданская система власти. Пронесло — не достало поруки меж заговорщиками. Иначе силовики оседлали бы Белый дом с необозримыми последствиями для Западного и Восточного полушарий.

Вспомним, что с кознями Москвы, «демпингом» советских товаров, производимых «принудительным трудом», связывали само возникновение кризиса. К «крестовому походу» против СССР под предло-

гом преследования религий взывал Ватикан. Военная хунта, унаследовав она гуверовские наработки, не стала бы мельтешить и почти наверное ринулась, увлекая «демократическую» челядь, во все тяжкие. Между участниками планировавшегося в президентство Гувера антисоветского похода уже были до деталей проработаны варианты раздела России.

Вернемся к КВЖД. Зазеркалье тогдашней драмы заслуживает пристального внимания. На захват дороги и арест ее советского персонала Чан Кайши подбили Вашингтон и Лондон. Американцы прикидывали, как после непродолжительного управления объектом «нейтральной комиссией» они выкупят КВЖД и создадут плацдарм вдоль 2500-километровой советской границы («план Стимсона»). Японцы же рассудили примерно так: США вздумали пожать плоды чужого рвенения. Токио с конца XIX века шаг за шагом превращал Поднебесную в сферу своего исключительного или, по меньшей мере, преимущественного влияния.

«План Стимсона» вошел в клинч с «планом Та-наки». Последний будет введен в действие в 1931 г. Госсекретарь Стимсон со знанием дела отслеживал в своих мемуарах путь во Вторую мировую войну «от железнодорожных рельсов под Мукденом».

Англия не возразила против присмотра «нейтралов» над отобранной у России КВЖД. С характерным для британцев подтекстом: соглашайся в принципе, отвергай по существу. Экспансии в регион Соединенных Штатов Лондон предпочитал упрочение позиций Японии. Отметим, что англо-американские противоречия во многом определяли расстановку сил на мировой арене вплоть до 1939–1940 гг. В период кризиса они приняли конфликтную окраску. Англичанам удалось оттеснить американцев с первого места в международной торговле, подурезать влияние США в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

По экономическим и прочим соображениям Берлин не хотел омрачать отношения с СССР. Вместе с тем немцы давали понять, что стратегическая линия на восстановление статуса мировой державы и допуск Германии на равных, в частности, к азиатской периферии вне конъюнктурных колебаний. Но рейхсканцлеров Мюллера (1928–1930 гг.) и Брюнинга (1930–1932 гг.), искавших, как бы капитал приобрести и невинность соблюсти, теснили Папен, Людендорф и Гитлер. Канцлер Шлейхер (1932–1933 гг.) подыгрывал этой троице, которую не надо было уговаривать включиться в искоренение социальной ереси и ее носителя — России, которая ипсo факто — в силу существования отравляла жизнь наций, назначенных свыше вершить земные дела.

Чтобы жила Британия, провозглашал Н. Чемберлен, Советская Россия должна исчезнуть. Вхожий в сферы, где зарождались доктрины Альбиона, лорд Ллойд обозначил их суть так: «Отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой». «Мы, — заявлял лорд, — предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она

расширяет корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии».

Откровения Ллойда датируются 1934 г. и нуждаются в существенной поправке. «Свобода действий» Японии уже была фактически предоставлена, а «дорога на восток» Германии приоткрыта.

Лондон и Вашингтон наперебой обхаживали как реальных, так и потенциальных агрессоров. Мининдел Германии Г. Штреземан отмечал, что в постверсальский период внешняя политика Берлина ни у кого «не находила более искреннего признания, чем в Соединенных Штатах».

Какими идеями наполнялся с середины 1920-х гг. этот «подновленный» немецкий курс? Нацистские установки отличались от достопочтенных заявок своей оголтелой лозунговой заостренностью. «Германия не в состоянии реализовать свои потенциальные возможности внутри четырех стен рейха». Но это не Гитлер. Это министр юстиции Е. Кох-Везер. Возвращения немцам ее бывших колоний требовал президент рейхсбанка и главный финансист нацистов Я. Шахт. Обербургомистр Кельна К. Аденауэр собственноручно отписал: «В самом рейхе слишком мало места для большого населения. Нам нужно иметь для нашего народа больше пространства и, стало быть, иметь колонии».

За что расточал Штреземан комплименты в адрес США? Основные кредиты — легальные и тайные — текли в Германию из-за океана. Усилиями Вашингтона рейх избавился от бремени репараций. Именно американцы сочинили планы Дауэса (1924 г.) и Юнга (1928 г.), «мораторий Гувера» (1932 г.). «Деньги — мышцы войны». Не важно, были ли Гувер и его госсекретари знакомы с этой максимой Цицерона. Но действовали они соответственно: чтобы конь не споткнулся в заданном походе, его должно было подковать и снабдить поводьями, не ведавшим страха и сомнений⁵.

Руководство США, судя по всему, еще неопределенно долго не подпустит посторонних к документам, изъятым американцами в 1945 г. из последней штабквартиры Гитлера в Тюрингии. Слишком много там взрывного материала, излишних ответов на вопрос, как и почему человечество было сброшено в пучину Второй мировой, какие хороводы водил Вашингтон с нацистами с 1922 г. и отчего на фоне мирового кризиса напрягал усилия в пользу возведения Гитлера на рейхсканцлерский престол.

Сегодня мало кто из сведущих усомнится в том, что на сходке у банкира Шредера в Кельне, когда на Германию напяливали НСДАП-ское ярмо, там зримо или незримо присутствовали эмиссары США. Крутился ли у порога Ганфштенгль? Кто-то разглядел в тамошних апартаментах тень Дж. Ф. Даллеса. А почему бы, собственно, ему не быть в той компании? Он же состоял на службе в адвокатской конторе, совладельцем которой был Шредер-старший, осевший

до Первой мировой войны в США и набравший заметный вес на американской финансовой ниве.

Потомки разберутся, кто в демонтаже Веймарской республики вел ведущую партию — американские олигархи вкупе с германскими или правительственные инстанции США. Неоспоримо одно: крестники Гитлера должны были отдавать себе отчет — они вступают на тропу войны.

Почему на 1931–1932 гг. пал перелом в развитии Германии, а в Японии «зацвела вишня»?⁶

«Выполнение пятилетки (в Советском Союзе) создает серьезную угрозу Японии. Соответственно монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и эффективного разрешения», — зафиксировала стенограмма заседания Кабинета министров в Токио 7 июля 1931 года.

В Германии на выборах 1932 г. нацисты собрали 37,4% голосов. Шляйхер, в сговоре с Гитлером, вскоре распустил рейхстаг, полагая, что на волне отчаяния, порожденного кризисом, НСДАП добьется при внеочередном голосовании абсолютного большинства. Но 6 ноября 1932 г. от гитлеровцев отпало 2 млн избирателей. Маятник общественного настроения качнулся влево, и 19 ноября 1932 г. хозяева более 160 крупнейших банков и промышленных компаний направили президенту Гинденбургу меморандум с рекомендацией учредить «диктаторское правительство» во главе с Гитлером.

Реакцию в Европе и за океаном насторожили и результаты ноябрьских выборов (1932 г.) в США. Г. Гувер, олицетворявший крайне правый спектр, уступил Белый дом Фр. Рузвельту, пообещавшему электорату «новый курс» во внутренней и внешней политике. Во что выльется «новизна»? Надежней казалось без заминки завершать начатое, поставив Рузвельта перед свершившимися фактами. В Азии, как некогда у нас говорили, процесс уже пошел. На очереди — Европа.

18 сентября 1931 г. Токио вписал первую строку в летопись Второй мировой. Малыми силами (всего-то 14 тыс. военных!) японцы напали на казармы китайских войск в Мукдене, Чанчуне и ряде других городов. Это была разведка боем. Она оправдала расчеты. Чан Кайши приказал армии сопротивления агрессору не оказывать, а народ наставлял «соблюдать спокойствие и выдержку».

Не обманулись японцы и в ожидавшейся реакции со стороны США, Англии и Франции — они не собирались ничего предпринимать в защиту Китая, невнятно взывая (причем, обе стороны) к уважению устава Лиги Наций, пакта Бриана — Келлога, «договора девяти держав»⁷.

Попутно учреждались «комиссии», ублажавшие Токио и выкручивавшие руки Нанкину. Китайцев понуждали признать «особые права» Японии в Северо-Восточном Китае с учетом опасности, исходившей «со стороны североманьчжурских границ». Признать с благодарностью, ибо японцы помогли

режиму Чан Кайши расправиться с теснившим его «красным драконом».

Впрочем, «договор девяти» пришел «демократиям» на ум после того, как японцы атаковали (28 января 1932 г.) Чапей — предместье Шанхая. Вашингтон предложил объявить примыкавший к Шанхаю район, средоточие интересов американских монополий, «нейтральной зоной». Американский «компромисс» Токио отверг.

Адвокатами Японии в Лиге Наций выступали британцы. При обсуждении «доклада Литтона» (опубликован в октябре 1932 г.) глава Форин-офиса Саймон парировал все обвинения Японии в агрессивности. Пока и если экспансия Токио не уклонится излишне на юг, японцы могли полагаться на «лояльность» Альбиона. Англо-японский союзный договор 1902 г., нацеленный перво-наперво против России, хотя и не против нее одной, официально скончался в 1921 году. Но перед нами случай, когда дух бодрствовал в отрыве от плоти. И аукнется он, в чем мы убедимся, еще не единожды.

Если мировые события не растаскивать по национальным сусекам, нельзя не заметить очевидных заимствований из японского опыта германским нацизмом и итальянским фашизмом при выработке их захватнических сценариев. Та же игра на противоречиях в стане «демократий» и их готовности откупаться чужими интересами, бойкот Лиги Наций, шантаж «левыми призраками». «Цивилизаторы» прикрывали свой стыд «невмешательством», когда нацисты и фашисты распинали Испанскую республику. На поставки республиканцам военных материалов было наложено эмбарго. Японцы же не испытывали ни малейших неудобств с приобретением оружия в США и Англии по ходу «экспедиции» в Китай.

Пространное повествование о политике Токио в XX веке призвано помочь точнее разобраться в связи времен и во взаимосвязи явлений, тем паче что в 20–30-х гг. заглавные роли на европейской и дальневосточной сценах озвучивали подчас одни и те же исполнители. К сожалению, и поныне за новое слывет основательно заблудшее старое. Э. Деладье, подводя в 1963 г. черту под своим бурным политическим прошлым, признавался: в разгар кризисов «идеологические проблемы часто затмевали стратегические императивы». Не часто, а как правило. И не только после Первой мировой войны, но и по окончании Второй.

Итак, 4 января 1933 г. А. Гитлер был определен в душеприказчики Веймарской республики. 30 января президент П. Гинденбург выдал ему мандат на формирование правительства «национальной концентрации» (позаимствуем сей термин у К. Аденауэра). 28 февраля появился декрет «В защиту народа и государства», которым открывалась серия актов, сводивших на нет означенные конституцией гражданские права. Месяц спустя, рейхстаг — при поддержке партии центра — наделил Гитлера чрезвычайными полномочиями. 14 июля имперский кабинет провозгласил НСДАП единственной державной пар-

тией. Остальные политические сообщества, а также профсоюзы, распускались.

Вот лишь несколько этапных дат перехода от рubeжа, «где Германия кончила 600 лет назад», «к политике будущего — к политике завоеваний» («Майн Кампф»). «Не провинции, а геополитические категории, не национальные меньшинства, а континенты, не нанесение поражения, а уничтожение противника, не союзники, а сателлиты, не смещение границ, а перетасовка государства всего земного шара, не мирный договор, а смертный приговор — такими должны были быть, по Гитлеру, цели великой войны».

Спросим: «демократы» этого не знали? Им что, не было известно, где оседают миллиарды британских или американских банков и их филиалов в самой Германии? Что, «Виккерс», «Империял Кемикл», «Стандарт ойл», «Дюпон» и пр. не догадывались, зачем немцам нужно новейшее ноу-хау? Обойдемся без упрощений. Не станем приписывать вся и все нацистскому искусству сколачивать пятые колонны, «разрушать врага изнутри, заставляя его разбить самого себя своими же руками» (Гитлер). Ограничимся констатацией — социальные инстинкты затмевали здравый смысл.

Судя по доступным исследователям данным, правившие структуры США усерднее британцев мостили нацистам путь к власти. Но очевидно и другое. Тяготы кризиса сузили возможности Вашингтона выступать «мировым поводырем». Деяческая посылка В. Вильсона — «перед нами стоит задача финансировать весь мир, а тот, кто дает деньги, должен научиться управлять миром» — дала сбой. «Новый курс» Рузвельта с упором на самодостаточность — ресурсную и оборонную — верстал оппортунизм, выдававшийся за осмотрительность либо за изоляционизм.

Тут же встрял Альбион и, играя на опережение, принялся «осовременивать» версальскую конструкцию. Обычно авторство «пакта четырех» приписывают Б. Муссолини. Первый эскиз соглашения о «сотрудничестве четырех держав в европейских и внеевропейских, в том числе колониальных вопросах» набросал дуче. А не вернее ли, что Муссолини лишь обобщил активно ведущийся обмен мнениями с Лондоном по поводу сдвигов в политическом климате, сопряженных, не в последний черед, со сменой дорожных знаков в США, с приходом к власти в Германии ультрарадикалов, с разгоравшимся дальневосточным пожаром? Только неисправимо наивные поверят, что премьера Макдональда и его мининдел Саймона можно было заманить в Рим сырой, необкатанной идеей. На кону перегруппировка сил, коррекция версальского кругозора. И логично, что предметом обсуждения на итало-британском саммите стала ревизия договоров, продиктованных после Первой мировой войны Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, предоставление Третьему рейху равноправия в области вооружений, и над всем остальным — наделение «квартета» прерогативой

подчинять («воздействовать») своей воле третьей страны. Полтора десятилетия Веймарская республика без толку домогалась очищения от «скверны Версаля». Не минуло и полутора месяцев с момента возведения Гитлера в канцлеры, как Германию одарили статусом великой державы и пригласили на равных с Лондоном, Парижем и Римом вершить европейские дела.

Информируя 23 марта 1933 г. палату общин о римском вояже, Саймон в обоснование военно-политического сговора с Германией и Италией упирал на то, что «лучше мирным путем изменить тот или иной пункт (версальской системы), чем явное нарушение его». О каких «пунктах» велась речь? Наряду с равенством в вооружениях за рейхом признавалось право на пересмотр «законным путем» всех прежних урегулированных. Оговорка, что участники пакта будут согласованно действовать в спорных вопросах, сути не меняла. Куда весомей было признание несовершенств передела мира, учиненного в 1919–1920 гг., фактическое освящение реваншизма в нацистской редакции.

Под гнетом широкого возмущения текст пакта ко дню его парафирования (7 июня 1933 г.) прихорошили ссылками на Устав Лиги Наций, пакет локарнских договоренностей, пакт Бриана — Келлога. Опустили упоминание Австрии, Венгрии и Болгарии. Убрали тезис о «воздействии» на третьи страны. Полноправие Германии в вооружениях связали с подработкой системы обеспечения безопасности всех наций.

В этом виде «пакт четырех» нашел поддержку у США. Вашингтон охарактеризовал его как «доброе предзнаменование». Словесная эквилибристика, однако, не развеяла подозрений и тревог стран Малой Антанты и Польши. Тем не менее 15 июля пакт о «сотрудничестве» был подписан. Подписан, но не ратифицирован французским Национальным собранием.

Берлин это не обескуражило. Не без сочувствия Лондона он принялся реализовывать задуманное явочным порядком. Ровно два месяца спустя, 15 сентября, немцы ультимативно потребовали полного равноправия в области вооружений, а через четыре недели объявили, что покидают Женевскую конференцию по разоружению и Лигу Наций. Гитлер мотивировал решение соображениями «чести» и отвержением попыток обращаться с «немецкой нацией как бесправной и второразрядной».

Нацистские литавры несколько смутили «демократов». Они предпочли бы менее шумную аранжировку при движении к общей цели. Лондон и правые группировки Франции влекли нацистские приманки: двусторонние проблемы решать полюбовно, а общеевропейские — за счет России. «Отношение Германии к определенным другим странам зависит от того, какова будет точка зрения англосаксонских держав в отношении Германии», — подчеркивал внешнеполитический спикер нацистов А. Розенберг в ответ на просьбу американского дипломата Н. Дэвиса пояснить подход Берлина к СССР (апрель 1933 г.). Отчего

подобная взаимоувязка? Подтекст отчасти раскрывает беседа Гитлера с Раушнингом. Фюрер не исключал сделки с Польшей против России, но добавлял:

«Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с нее я буду начинать».

В мае 1933 г. А. Розенберг донес до сведения британцев «большой план» своего шефа, некоторые его элементы прокомментировал дипломат Бисмарк: «Польша скоро увидит, что Франция ее покинула. Тогда она будет вынуждена отказаться от польского коридора в обмен на право пользоваться вольной гаванью Данцига и на возможные территориальные компенсации (на Украине) ...» На замечание канадского интервьюера, что Советский Союз воспротивится подобной компенсации, Бисмарк ответил: «Мы парализуем СССР, сосредоточив против него ненависть и силы всего мира». Забыл внук железного канцлера заветы деда.

Гугенберг, немецкий министр хозяйства, выступая на Международной экономической и финансовой конференции в Лондоне (июнь 1933 г.), призывал западные державы совместными усилиями положить конец «революции и внутренней разрухе», исходной точкой которых является Россия. Он потребовал далее вернуть Германии колонии и предоставить «лишенному территории народу» новые земли, где «эта энергичная раса могла бы расселиться». Гугенберг хватил лишнего и был отозван с конференции. Свежеиспеченные берлинские власти налегали в тот момент на «миролюбие». Надо было обхаживать партнеров по «пакту четырех».

«Пакт четырех» отводил Варшаве роль статиста, место в шеренге безликих «третьих стран». Надежды на Францию, конечно же, рухнули. В апреле 1933 г. поляки предложили французскому правительству обсудить возможность принятия жестких мер против перевооружения Германии, но услышаны не были. Пилсудский занялся тестированием, на кого ему выгодней облокотиться. Диктатору Польши импонировал хваткий стиль германского диктатора. Он принял к сведению заверения Гитлера, что «германское правительство намерено действовать строго в рамках существующих договоров», и дал отмашку на долгий диалог с инсценировкой консенсуса и лобызаний. На сие поприще Пилсудский отрядил особо доверенных мининдел Ю. Бека и Ю. Липского (с июля 1933 г. посла в Берлине).

Поубавив мрачных тонов при систематизации свершений 1933–1934 гг., СССР и США установили дипотношения. В нотах, которыми 16 ноября обменялись две столицы, выражалась надежда на то, что советско-американские отношения навсегда останутся нормальными и дружественными и им «отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира». Воистину, больше всего пострадавших — на переходах от слов к делу. От добрых, разумеется, слов к конструктивному делу (Г. Малкин. Максимы и минимы. М., 1990. С. 29).

Распад Большой Антанты, как результат третигования британцами интересов Франции, охлаждение отношений с Польшей, вздымавшийся германский национализм отрезвляюще подействовали на некоторых французских политиков. 29 ноября 1932 г. был подписан советско-французский договор о ненападении. Потребность в упрочении безопасности повлекла рассмотрение моделей совместного реагирования на подготовку Германии к войне. В декабре 1933 г. Москва предложила заключить с Францией и Польшей региональное соглашение о взаимной защите от германской агрессии. Включиться в него были приглашены Бельгия, ЧСР, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Кроме «взаимной защиты» от немецких поползновений договаривающиеся страны были бы обязаны оказывать одна другой дипломатическую, моральную и возможную материальную помощь при военном нападении, не означенном в тексте соглашения.

В течение 1934 г. СССР и Франция деятельно продвигали идею восточного пакта. По мысли Л. Барту, он должен был охватить Советский Союз, Германию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию и Чехословакию. Франция, не будучи непосредственным участником пакта, выступала бы гарантом его выполнения. Москва приняла соображения Барту за основу. Совместными усилиями был составлен проект пакта взаимопомощи между восемью названными странами, также увязанного с франко-советским договором о взаимопомощи, который подлежал одновременному заключению.

Со ссылкой на «страх перед советской агрессией» и под утверждения, что «пакт служит окружению Германии», Берлин категорически отказался примкнуть к проекту. Вслед за немцами отвергло пакт польское руководство. Еще раньше против восточного пакта выступил Лондон.

Главная ошибка людей, заметил Клаузевиц, состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше бед завтрашних. Это как раз про поляков. Посол США В. Буллит писал в июле 1934 г. из Москвы госсекретарю К. Хэллу: отказ Пилсудского участвовать в восточном пакте связан с ожиданием советско-японской войны; маршал хотел бы сохранить свободу рук на востоке, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши».

Борьба против восточного пакта сближала Варшаву, Берлин и Токио. Пилсудский и Гитлер сговаривались касательно аншлюса Австрии и раздела ЧСР и, главное, о совместных действиях против СССР при ожидавшихся осложнениях в Дальневосточном регионе. Практическому наполнению «декларации Липский–Нейрат» (январь 1934 г.) стороны придали подчеркнuto русофобскую окраску к вящему удовлетворению Англии. 27 июля 1934 г. немцы и поляки условились, коль скоро восточный пакт состоится, оформить военный союз с Японией и попытаться вовлечь в него Венгрию, Румынию, прибалтов и Финляндию.

Посылка, что развитие идет к вооруженному советско-японскому конфликту и что он разразится не

позднее весны 1935 г., застигла полякам глаза. Им мерещилось, писал Ф. Марек, посол Австрии в Праге, как «при активном участии Японии и посильном участии Германии от России будет отделена Украина». В такт политическому ухаживанию друг за другом Варшава и Токио энергично развивали военно-техническое сотрудничество, налаживали координацию деятельности их разведок и других спецслужб⁸.

Судьба, сходная с восточным пактом, постигла советское предложение (май 1934 г.) о преобразовании конференции по сокращению и ограничению вооружений в постоянную конференцию мира, наделенную полномочиями оказывать государствам, над которыми нависла угроза, «своевременную, посильную помощь». Франция и ряд малых стран проявили интерес к этой инициативе и тут же сникли. Англия — безапелляционно против. Госсекретарь США К. Хэлл заявил советскому представителю, что он не может связывать себя определенным «за» или «против» проекта по причине сдержанного отношения американцев к участию в любой международной организации.

Убийство Л. Барту (9 октября 1934 г.) истончило связующую нить, что наметилась в советско-французских контактах и обещала подвижки на благо европейской безопасности. Новый мининдел П. Лаваль демонстрировал «преемственность» курса Барту. Да, 5 декабря 1934 г. он подписал соглашение, обязавшее Францию и СССР не вступать с правительствами, приглашенными участвовать в восточном пакте, и в особенности с теми из них, которые пока не выразили готовности присоединиться к пакту, в переговоры, могущие нанести ущерб подготовке восточного регионального пакта или соглашений, с ним связанных. Тем самым выражалось намерение «способствовать усилению духа взаимного доверия в отношениях» между Парижем и Москвой. Неделю спустя к этому соглашению присоединилась Чехословакия. Открылась перспектива выхода на франко-советский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи.

Продвижению идеи коллективной безопасности в Европе способствовало вступление СССР в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.). Русофобам стало сложнее заглушать голос Москвы, получившей статус постоянного члена совета Лиги.

Да, 2 мая 1935 г. состоялся франко-советский договор о взаимопомощи. Стороны обязывались оказать друг другу помощь и поддержку в случае угрозы нападения «какого-либо европейского государства» и покушений на их территориальную целостность и существующую политическую независимость. Подписанный двумя неделями позже советско-чехословацкий договор о взаимопомощи был средактирован в сходном ключе. Мининдел ЧСР Э. Бенеш оговорил вступление в силу обязательства об оказании друг другу помощи готовностью Франции выступить в защиту жертвы агрессии.

Последующие годы доказали — эффективность международных актов предопределяется не совер-

шением употребленных в них формулировок, но практикой исполнения взятых обязательств. Для Лаваль договоры с СССР и Чехословакией являлись не руководством к действию, а рычагом давления на Германию. «Иметь больше преимуществ» в переговорах с Берлином и предвосхитить сближение немцев с Москвой — так разъяснил французский министр Беку смысл достигнутых договоренностей. Лаваль просаботировал заключение военной конвенции, без которой обязательства о взаимопомощи недорого стоили.

Тем временем в движение пришел «западный фронт». 13 января 1935 г. жители Саара выступили за присоединение к Германии. В канун плебисцита Лаваль публично заявил о «незаинтересованности Франции в исходе голосования». Вердикту в пользу Германии поспособствовали Англия и Италия. И, как следовало ожидать, саарский прецедент подстегнул экспансионистские притязания нацистов. «Фелькишер беобахтер», например, потребовала проведения плебисцита в «восточном Сааре» — в Мемеле.

«Демократии» стоически не замечали связи между вожделениями нацистов касательно «жизненного пространства» и демонстративной милитаризацией Германии. К началу 1935 г. численность регулярных войск дошла до 480 тыс. человек (против 100 тыс. человек, разрешенных Версальским договором). Советские предостережения не возымели действия — англичане и французы в феврале 1935 г. известили Берлин о готовности погасить — с соблюдением некоторого декора — военные статьи Версаля.

МИД Германии препроводил 16 марта послам Англии, Франции, Польши и Италии текст «закона о воссоздании сил национальной обороны». Вводилась всеобщая воинская повинность, а запланированные 12 корпусов и 36 дивизий объявлялись «армией мирного времени». Тут даже Лаваль покоробил нахрап нацистов. Он отважился внести в Лигу Наций предложение о коллективном протесте. Забегая в апрель, отметим, что старания Англии заблокировать принятие любой резолюции с антинацистской окраской не сработали. Совет Лиги квалифицировал закон от 16 марта как нарушение действовавших урегулированных, на что Берлин заявил: Лига Наций не имеет права выступать «судьей Германии».

Форин-офис слегка пожурил немцев за угловатость и предложил себя в модераторы. Британская консервативная пресса прокомментировала линию Альбиона достаточно внятно: «принудительные меры в отношении Германии не должны предприниматься. Локарно было ошибкой, а восточное Локарно было бы еще большей ошибкой».

В беседах с Саймоном (24–26 марта 1935 г.) Гитлер убеждал гостя, что только национал-социализм способен «сохранить Германию, а также всю Европу от самой страшной (большевистской) катастрофы». Но это станет возможно, напирал фюрер, если Германия вооружится. Возражений со стороны Саймона, судя по записям бесед, не последовало.

21 мая 1935 г. Гитлер презентовал общественности уточненный вариант «программы мира». Отвергая в принципе пакты о взаимопомощи и, соответственно, осуждая франко-советский договор, он выражал готовность заключать двусторонние договоры о ненападении со всеми соседями, кроме Литвы. Нарушителями Версальского договора фюрер объявил другие страны и выступил за урегулирование взаимоотношений немцев с заграницей на базе «морального разоружения». В подтверждение германской покладистости был опубликован закон о всеобщей воинской повинности. Численность вооруженных сил рейха доводилась в течение года до 700 тыс. человек, танковый парк — до 3 тыс. единиц, число самолетов — до 2 тыс., орудий — до 3,5 тысячи.

Сменивший Макдональда на посту британского премьера Болдуин вместе с Хором, принявшим от Саймона Форин-офис, поддали жару «умиротворению» Гитлера. 18 июня 1935 г. была подписана англо-германская морская конвенция. Она легализовала выход нацистов в море. Мощь германского ВМФ могла отныне равняться 35% от совокупного британского тоннажа, а по подводным лодкам — даже 45%. Предусматривалось последующее повышение контрольной планки для немцев. Балтийское море отдавалось на откуп немцам. Состав морских сил рейха фактически уравнивался с французским флотом.

Но, пожалуй, не менее важно следующее. До середины 1935 г. в гонке вооружений Берлин вел сольную партию, пусть и под аккомпанемент Лондона. Теперь темпы обрушения Версаля зашумелись. Британские тори и германские наци двойной тягой тащили мир к краю пропасти.

Муссолини не захотел отставать от германского собрата. Он загодя запасся одобрением Парижа и Лондона, а также толерантностью Вашингтона при планировании захвата Эфиопии (Абиссинии). Старт операции походил на японскую схему «освоения» Китая. В декабре 1934 г. итальянцы атаковали отряд эфиопов в оазисе Уал-Уал, расположенном в глубине страны, и приступили к сосредоточению войск вдоль ее границ. Правительство Аддис-Абебы обратилось в Лигу Наций с требованием принять меры, способные сдержать агрессию. Лига образовала «комитет пяти», потом «комитет восемнадцати». На нечто большее, чем создание видимости санкций, Лига не сподобилась. Введение ограничений на поставки военных материалов било не по Италии. У нее оружие имелось в избытке. Страдала Эфиопия. Ахиллесова пята итальянцев — зависимость от внешних поставок нефти. Но только 10 государств, в том числе СССР, Румыния, Ирак и Голландия, выразили готовность перекрыть краны. Официальный Лондон сделал все, чтобы затянуть обсуждение вопроса о «нефтяных санкциях», и между тем британские и американские концерны нарастили нефтепотоки в Италию.

В общем и целом воспроизводилась история с комиссиями, что тянули канитель в Маньчжурии.

С парой поправок Вашингтон получил разведывательные данные о подготовке Италии к захвату Эфиопии в августе 1934 года. В декабре госсекретарь К. Хэлл дал указание американскому поверенному в делах в Аддис-Абебе воздерживаться от любых шагов, способных поощрить правительство Эфиопии на обращение к Соединенным Штатам с просьбой о посредничестве. В предвидении серьезных осложнений в Европе, Азии и Африке конгресс принял в августе 1935 г. так называемый «билл о нейтралитете». Буквально в канун перехода итальянцев к широкомасштабным действиям против Эфиопии распоряжением Рузвельта «билл» ввели в действие. Таким образом, Вашингтон загодя освобождал себя от моральной и политической потребности прикнудить к антиитальянским санкциям и демаршам, коль скоро таковые прорисовались бы, или иным способом выражать сочувствие жертве агрессии.

Японцы извлекли свои уроки из эфиопской кампании Италии. Для подавления сопротивления фашистские войска широко применяли боевые отравляющие вещества. «Демократии» бесстрастно созерцали. Почему бы для быстрейшего завершения «экспедиции» не прибегнуть к ОВ и в Китае, спрашивал себя Токио. Спросил и свыше 530 раз прибегал к этому бесчеловечному оружию, а затем «поэкспериментировал» и со смертоносными бактериями. Но поскольку «экспедиции», «инциденты», «ситуации» принимались за что угодно, только не за войны, то на них не распространялись Гагская и Женевская конвенции. «Никаких правил» значило «никаких запретов», и, стало быть, во Второй мировой войне химическое и бактериологическое оружие не применялось.

Откройте справочники со сводными данными о потерях во Второй мировой. До 1 сентября 1939 г., принятого с подачи «демократий» за дату начала войны, японская агрессия стоила Китаю около 20 млн убитых. Всего же «экспедиция» Токио обошлась китайскому народу в 30–35 млн жизней. Число жертв от агрессии Италии против Эфиопии оценивается сугубо приблизительно — 500–600 тыс. человек. Устроенный Римом и Берлином мятеж Франко и итало-германская интервенция погубили около 1,5 млн испанцев. Но эти преступления набраны петитом в исторических хрониках, если поминаются вообще. Сгинули миллионы в небытие, как слиняли с политической карты государства Австрия, Эфиопия, Чехословакия, Албания. «Стечение обстоятельств», уверяют общественность апологеты «умиротворения», когда им приходится объяснять не в меру любопытным генезис мировой катастрофы.

«Умиротворение» имеет несколько ипостасей. Под этим ярлыком может идти и принуждение к миру, и ублажение агрессора, и, самый скверный, перенацеливание разрушительной энергии сообщника или даже соперника против основного антагониста. По принципу — враг моего врага есть друг. К середине 1930-х гг. расклад сил на международной арене об-

рел четкую конфигурацию. О социально-корпоративные и имперские догмы «демократов» разбилась идея неделимости безопасности и ее коллективного обеспечения. Региональные конфликты и очаги напряженности сплавились в глобальный взрыв.

Именно тогда внутри Германии военная элита переняла гегемонистские устремления нацистов и присягнула на верность Гитлеру, развернулась милитаризация экономики, науки, школы, информатики страны, перевод на военные рельсы ее внешней политики. Статс-секретарь МИД Германии фон Бюлов вместе с группой единомышленников пытался препятствовать адаптации «восточного курса» к новейшим поветриям. «К сожалению, — отмечает профессор И. Фляйшхауэр, — со смертью Бюлова и приходом на Вильгельмштрассе Риббентропа эта борьба преждевременно закончилась. Вместе с Бюловым в Троицын день 1936 г. умерло старое министерство иностранных дел»⁹.

В марте 1936 г. Гитлер аннулировал локарные договоренности и отдал приказ «германским войскам» войти в демилитаризованную рейнскую зону. И всего-то этих войск набралось около 30 тыс. человек, из них Рейн пересекли, чтобы продефилировать в Аахене, Трире и Саарбрюккене три батальона. На 48 часов нацистским правителям достало волнений: неужели сойдет с рук? «Европа наблюдала. Никто не действовал», — читаем мы в монументальном труде «Германский рейх и Вторая мировая война» (Т. 1. С. 603).

Причин поразмыслить и сделать выводы имелось в избытке. Аргументация разрыва Берлина с Локкарно не могла не настораживать: заключив договор о взаимопомощи с СССР, Франция совершила враждебный шаг по отношению к Германии. В переводе на общепонятный язык это означало: попытки закрепить статус-кво на востоке будут оборачиваться расшатыванием статус-кво на западе.

В октябре 1936 г. Берлин и Рим подписали секретный протокол о взаимодействии. Через месяц был заключен антикоминтерновский пакт Германии с Японией. В секретном приложении к нему объектом притязаний его участников значился Советский Союз. На случай возникновения или угрозы войны между Страной Советов и одной из договаривающихся сторон другая сторона обязывалась не «предпринимать никаких мер, осуществление которых могло бы облегчить положение СССР». Было, кроме того, условлено, что Германия и Япония не будут вступать с Москвой в какие-либо политические договоры, противоречащие духу пакта. В ноябре 1937 г. к пакту присоединились Италия и Венгрия, в 1939 г. — франкистская Испания и Маньчжоу-Го, в 1941 г. — Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, Словакия, Хорватия. «Стальной пакт» (1939 г.) и тройственный пакт (1940 г.) увенчали блокирование агрессоров во Второй мировой войне.

Британский премьер С. Болдуин признавал в 1936 г., что в случае вооруженного конфликта Англия «могла бы разгромить Германию с помощью Рос-

сии, но это, по-видимому, имело бы своим результатом лишь большевизацию Германии». Он предпочел продолжить линию, исходившую из того, что «потребность в экспансии толкнет Германию на восток, поскольку это будет единственной открытой для нее областью, и, пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может ограничиться лишь формами мирного проникновения» (меморандум МИД Англии от 17.02.1935 г.). Дабы так и произошло, Альбион не скупился ни на комплименты Гитлеру, ни на подсказки, как лучше обеспечить немцев «жизненным пространством».

В ходе визита в Берлин (ноябрь 1937 г.) глава МИД Англии лорд Галифакс благодарил фюрера за «великое дело» — «уничтожив коммунизм в собственной стране, он закрыл ему путь в Западную Европу». Тем самым Германия заслужила право считаться «оплотом Запада против большевизма». Создана основа взаимопонимания между двумя державами, от коего не стоило бы отлучать Францию и Италию. «Хозяевами дома», подчеркивал Галифакс, должны были бы выступать эти четыре державы, и только они.

Гитлер обусловил «взаимопонимание», в частности, аннулированием Францией и Чехословакией договоров о взаимопомощи с СССР, как осложняющих европейскую ситуацию и подстегивающих гонку вооружений. И словно малиновый звон в ухо британцу: «Лишь одна страна — Советская Россия — могла бы выиграть от всеобщего конфликта». Принимая эстафету, Галифакс заявил: Лондон «смотрит в глаза (потребности) подлаживания к новым обстоятельствам, исправления прежних ошибок и на ставшие необходимыми изменения существующих реалий». «Мир, — по словам лорда, — не статичен, и никакие модальности перемен в существующих реалиях нельзя исключать». В нарушение британской традиции Галифакс не оставил собеседнику расшифровывать ребусы и продолжал: «рано или поздно» в европейском порядке произойдут подвижки, которых желает Германия, конкретно — «в вопросах, касающихся Данцига, Австрии, и Чехословакии». Англию заботит лишь, чтобы «перемены эти состоялись посредством мирной эволюции».

Выводы напрашивались сами собой: хватай перво-наперво то, что даруют. С накоплением могущества откроются новые возможности. Гитлер не обманывал себя и знал, что его стратегия молниеносных действий, построенная на предельном напряжении сил, не допускала серьезного сбоя. Неудача на старте могла бы стать началом конца. 5 ноября 1937 г. Гитлер созвал совещание с участием Геринга, военного министра Бломберга, министра иностранных дел Нойрата, главнокомандующих родами войск. Если в памятной записке к «четырёхлетнему плану» (август 1936 г.) он требовал: Германия должна приготовиться к войне с любым противником к 1940 г., то на сей раз задача ставилась так: «проблема германского пространства» подлежит решению к 1943–1945 гг. Австрия и Чехословакия —

затравка и выверка британской покладистости, степени заинтересованности «демократий» в сколачивании всемирного альянса против СССР.

12 марта 1938 г. Германия присоединила Австрию. Двумя днями ранее Г. Вильсон, главный советник Н. Чемберлена, просветил Берлин, что предстоящее подведение черты под австрийским вопросом не помешает Лондону «продолжать курс на согласие с Германией и Италией». Интересами СССР, заметил англичанин, можно пренебречь: «в один прекрасный день господствующая там система должна исчезнуть». Британцы погасили минутный порыв французов заступить за Австрию. Обращаясь к палате общин, Чемберлен «сурово порицал» тех, чьи разглагольствования о применении силы, чинят помехи дипломатии. Правительство его величества не готово принимать никаких обязательств в отношении района, где интересы Англии «не затрагиваются в такой степени, как это имеет место быть в отношении Франции и Бельгии».

Кое-что должно было перепасть от лондонских щедрот и Италии, не выказывавшей восторга от аншлюса Австрии. 16 апреля 1938 г. Чемберлен и Муссолини подписали договор о дружбе и сотрудничестве, скрепивший английское признание захвата итальянцами Эфиопии. Тут же и Франко получил от премьера статус воюющей стороны. Путь к довершению распытия Испанской республики был расчищен.

Германия, конечно, не являлась удобным партнером. Однако неудобства с лихвой окупались ее «непримиримой враждой» к Советскому Союзу. Требовалось только подобающим способом ее канализировать. В ноябре 1937 г. Англия и Франция сговорились «уступить» Гитлеру Чехословакию. Установку — Англия не пойдет на войну из-за Чехословакии — Чемберлен обосновал без витийств: «Достоточно посмотреть на карту, и станет ясным — ничто из того, что в состоянии сделать Франция или мы, не может уберечь Чехословакию от нашествия немцев, если они на него решатся... Поэтому я отказался от мысли дать какие-либо гарантии Чехословакии, а также французам в контексте их обязательств по отношению к этой стране». Он требовал искать «решение, приемлемое для всех, кроме России».

Заявлением в палате общин Чемберлен ответил на мартовское (1938 г.) предложение советского правительства созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, США и Чехословакии, чтобы противопоставить «большой союз» нацистским планам закабаления мира. Готовность Москвы выполнить свои военные обязательства перед Чехословакией Лондон расценивал как неприемлемый для его политики вызов. Было бы «несчастьем, — слова премьера, — если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи».

Прага и Париж откликнулись было на советскую инициативу, но сразу сникли. Поставленные перед альтернативой — СССР или Британия, они поддались последней. Англичанам не подошла также инициатива

Вашингтона по созыву конференции для «очищения» мировых проблем и выработки «правил» мирного международного сотрудничества. Мотив — «любое вмешательство Соединенных Штатов в европейские дела» недопустимо. Соответственно американцы не прореагировали на советское приглашение включиться в усилия по спасению ЧСР. Позднее госсекретарь К. Хэлл напишет: ответа не последовало, чтобы не разочаровывать советскую сторону формальным «нет».

Б. Селовский, автор солидного исследования «Мюнхенское соглашение», констатировал: западные державы руководствовались «не принципами демократии и права, а антисоветизмом». Англия была преисполнена решимости не допустить «полуазиатскую» Россию в Европу¹⁰.

Крайний экстремизм был присущ Варшаве в канун аншлюса Австрии и Мюнхенского сговора. Мининдел Ю. Бек увязывал германские претензии на Австрию с польскими планами по «освоению» Литвы. Сговор скрепили заявлениями Бек—Герингу (январь 1938 г.) и Геринг — послу Липскому (март 1938 г.). В предвидении советских контршагов правители рейха предложили условиться о «польско-германском военном сотрудничестве против России». 17 марта Липский получил указание информировать Геринга о готовности Варшавы учесть интересы рейха в контексте «возможной акции». Имелось в виду, что польские и германские войска войдут в соответствующие районы Литвы одновременно. Антилитовскую затею сорвало советское предостережение. В отместку поляки повели дело к сколачиванию враждебного Советскому Союзу альянса (западные соседи СССР плюс Югославия и Греция), рассчитывая затруднить оказание нашей помощи Чехословакии и Франции в случае их конфликта с Германией.

Из слов польского посла в Париже Лукашевича (беседа с послом США 25 сентября 1938 г.) вытекало, что Варшава и Берлин обговаривали возможность синхронных военных действий против Чехословакии, не подчинись Прага политическому давлению. В этом случае помимо Тешинского анклава польские войска вошли бы также в Словакию, образовав общий фронт с «дружественной Венгрией». Поляки рыли себе яму. Обязательства Франции перед ними не могли иметь большей практической ценности, чем обещания Парижа поддерживать ЧСР. Раздел Чехословакии делал стратегическое положение Польши в противостоянии с Германией безнадежным¹¹.

Мюнхенское соглашение было выработано без участия правительства ЧСР и подписано Германией, Великобританией, Францией, Италией 29 сентября. Образцовый диктат. В нем устанавливалось, что ввод германских войск в «районы с преобладающим немецким населением начнется с 1 октября» и завершится за неделю. Дополнительные соглашения определяли порядок отторжения от Чехословакии районов, где компактно проживало «польское и венгерское меньшинство».

Попутно 30 сентября 1938 г. англо-германской декларацией были оформлены соглашения, «символизирующие желание двух народов никогда более не воевать друг с другом». Лондон и Берлин обязались использовать метод консультаций «для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться двух стран», выразили решимость продолжать «усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Французам немцы тоже пообещали мир и стабильность границ, как и взаимные консультации на случай международных осложнений. Декларацию с набором заверений в добрососедстве Ж. Боннэ и И. Риббентроп подписали 6 декабря 1938 г. «Устранялись, — отмечал Риббентроп, — последние остатки опасности франко-русского сотрудничества». Информировав французских послов об итогах переговоров с главой МИД Германии, Боннэ писал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток». Еще бы — при подготовке декларации Париж уверял Берлин, что не будет «интересоваться восточными и юго-восточными делами».

Подзабытый эпизод. На встрече в Мюнхене Чемберлен и Даладье предложили Гитлеру и Муссолини приостановить «гражданскую войну» в Испании, чтобы затем совместными усилиями склонить конфликтующие стороны к компромиссу. Нацисты решительно отклонили сей демарш. МИД Германии однозначно высказался за продолжение «гражданской войны» ради учреждения в Испании «авторитарного государственного правления с военным уклоном», что представлялось важным с точки зрения создания «наиболее благоприятных условий» для Германии и Италии в ожидании европейского конфликта.

Интервенцией в Испанию нацисты решали задачу ресурсного обеспечения своей военной промышленности. К осени 1939 г. под контроль Германии перешло более 70 испанских горнодобывающих предприятий. Использование Испании в качестве военного полигона для испытания в деле новейших систем оружия — авиации, танков, артиллерии, а также подготовки личного состава, их обслуживающего, не нуждается в пояснении. Стоит лишь упомянуть, что в «помощь» Франко немцы и итальянцы вложили от 1,5 до 2 млрд марок. Потери тоже впечатляли. Итальянским контингентам сражения с республиканцами стоили порядка 50 тыс. убитыми и ранеными.

«Демократии» располагали обширным набором возможностей дать отпор агрессорам. В союзе с СССР и даже без него. Но никак не против Советского Союза. Любой из вариантов предполагал верность долгу и твердость. В наличии не оказалось ни того ни другого. Желание снискать нацистскую «покладистость» и приручить дуче было у Лондона столь велико, что он пускался в фальсификацию позиции Франции, когда говорил от ее имени. В беседе

с Гитлером 27 сентября 1938 г. Г. Вильсон, дабы «не раздражать фюрера», заменил в предостережении Франции слова «наступательные действия» на «активные враждебные действия». Даже эта смягченная редакция побудила фюрера прислушаться к рекомендациям своих генералов и не манкировать, как он изначально намеревался, предложением Муссолини собраться вчетвером в Мюнхене.

Убедив себя, что скорый триумф в случае войны с Германией нереален, а война на измор социально опасна для Британской империи, Чемберлен все поставил на одну карту — на сделку с Гитлером. 1 сентября 1938 г. Г. Вильсон известил поверенного в делах Германии Т. Кордта, что при достижении согласия между Англией и Германией мнениями Франции и ЧСР можно будет пренебречь. Урегулирование чехословацкого кризиса, посулил Вильсон, откроет Германии простор для экономической экспансии в Юго-Восточную Европу. В письме королю Георгу VI Чемберлен (13 сентября 1938 г.) упирал на намерение превратить Германию и Англию в «два столпа мира в Европе и оплоты против коммунизма».

После Мюнхена Лондону, Парижу и многим в Вашингтоне привиделось, что игра стоила свеч, зажженных за упокой Эфиопии, Испанской республики, Австрии, теперь Чехословакии. Бывший президент США Г. Гувер открыто заявлял: если не мешать германской экспансии, «естественно, ориентированной на восток», Западной Европе нечего опасаться Третьего рейха. Оставалось, чтобы также думали и в Берлине.

Поначалу все, как будто, сходилось. Нацистское руководство интенсивно прощупывало, насколько Варшава созрела для превращения сотрудничества, наладившегося во время аншлюса Австрии и ликвидации ЧСР, а также при параллельных контактах с Японией в военный союз против СССР. Принципиальных возражений касательно движения на восток у поляков не возникало. Они склонялись поддержать подобный разворот с условием, что вермахт обрушится на «большевистскую Россию» в обход территории Польши, например через Прибалтику или Румынию. Диалог МИД Польши с румынским правительством показывал, что почва для немецкого обращения к Бухаресту имела.

Встреча Риббентропа 24 октября 1938 г. с послом Липским и его же беседы с Беком в Варшаве 6 и 26 января 1939 г. вроде бы подтверждали, что Польша будет на стороне Берлина в германо-советском конфликте. Но это впечатление померкло после 15 марта 1939 г., когда вермахт прихватил остатки Чехословакии. Нацисты заранее не посвятили польских партнеров в свои намерения презреть территориальные прописи Мюнхена.

Настроение в Варшаве не поднялось от того, что Лондон и Париж приняли этот новый агрессивный акт Германии к сведению без комментариев. Вашингтон тоже не обнаружил озабоченности, если она вообще имела. Помощник госсекретаря А. Берли

заметил, что президент, как и многие англичане, возможно, надеялся, что германская экспансия на восток облегчит положение Англии и Франции. Посол У. Буллит указывал на стремление англичан и французов после Мюнхена довести дело до «войны между германским рейхом и Россией», под финал которой «демократии» смогли бы «атаковать Германию и добиться ее капитуляции». У. Черчилль был категоричней — он считал, что война уже началась, хотя и не уточнил, кого с кем.

По прикидкам Гитлера 1937 г., основные военные операции, которые выведут Германию на истомое «жизненное пространство», развернутся «не позднее 1943–1945 гг.». Затем «день икс» он перенес на 1942 году. Японцы находили 1946 г. наиболее удобным временным рубежом для подчинения Индонезии, Филиппин и прочих территорий Южной Азии и Океании. США собирались к этому сроку покинуть свои филиппинские базы. Наряду с экономическими выкладками в пользу форсирования развязки говорили, по мнению нацистских правителей, растерянность и податливость западных держав. Психологически и материально «демократии» не были настроены на пробу сил.

Представляются сомнительными утверждения, будто осенью 1938 г. Гитлер созрел для крутого виража: Германия подчинит Францию прежде, чем он, фюрер, отдастся призванию своей жизни — изничтожению России. В июне 1939 г. Геринг в разговоре с британским послом Гендерсоном обронил фразу: если бы Лондон подождал «хотя бы 10 дней» с выдачей гарантий Польше, ситуация сложилась бы совсем иначе. То же самое повторил Гитлер Чиано 12 августа 1939 г. Схожее услышал Саймон от Гесса после не совсем удачного приземления заместителя фюрера в Шотландии. По версии Гесса, поляки склонялись к принятию немецких условий и по Данцигу, и по коридору, но изменили свою позицию под влиянием Англии. Оценки Гитлера, Геринга и Гесса подтверждаются французскими источниками.

В политико-правовом смысле Советский Союз был отброшен к дорепалльскому положению. Париж положил франко-советский договор о взаимопомощи на лед. Союзный договор с Чехословакией скончался вместе с этим государством. Отношения с Германией находились в расстройстве. При нападении с запада или с востока СССР мог рассчитывать лишь на себя и гадать, какие театры в войне будут главными, кто и какую позицию займет, когда умолкнут дипломаты и заговорит оружие. Многие указывало на то, что следующим в нацистском графике агрессии записан Советский Союз.

Министра иностранных дел Риббентропа занимали выгоды разрыва отношений с СССР как стимула для вовлечения Японии в полноесный военный союз с Германией и для навязывания Москве войны на два фронта. Но тогда же, к концу 1938 г., группа дипломатов старой школы предалась изучению вариантов разыгрывания «русской карты» в герман-

ских интересах. Пока так и не прояснено, кто лично инициировал поиск неординарной мысли — вместо разрыва, по возможности, нормализация отношений с Советским Союзом: деятельный Шуленбург, германский посол в Москве, т. н. «русская фракция» в самом МИДе или же кто-то со стороны. Тут порой всплывает имя Геринга.

Без вспомоществования свыше не обошлось, по меньшей мере при улаживании разногласий между дипломатами и экономическими инстанциями рейха, когда вырабатывалась экономическая оферта Москве. Как бы то ни было, 22 декабря 1938 г. в торгпредство СССР в Берлине поступило предложение заключить правительственное соглашение, по которому советская сторона получала бы кредит в 200 млн марок для закупок немецкой промышленной продукции в обмен на встречные поставки в течение двух лет советских сырьевых товаров.

11 января 1939 г. полпред (посол) А. Мерикалов известил германский МИД, что советская сторона готова вступить в соответствующие переговоры и приглашает немецких уполномоченных прибыть с этой целью в Москву. Буквально на следующий день Гитлер — во время новогоднего приема дипкорпуса — проявил повышенное внимание к советскому послу и тем дал пищу для спекуляций о намерении «выровнять» советско-германские отношения. Жест фюрера и кредитный зондаж предназначались больше Лондону, Парижу и Варшаве, должны были оживить «кошмары Рапалло», сделать три столицы восприимчивей к нацистским запросам. Так, между прочим, истолковали сии эпизоды британские эксперты, о чем свидетельствует специальное досье в архиве МИД Великобритании.

Пару недель слабо мерцавший огонек поддерживался в немецкой лампаде. Была запрошена советская виза для советника МИД Германии К. Шнурре. Он даже сел в поезд, направлявшийся в Москву, но был снят с него в пути следования, чтобы «не дразнить поляков, коих обхаживал и улаживал Риббентроп, не совсем, если верить Гитлеру, Герингу, Гессу и Мольтке, безрезультатно. Дальше затишье и повод сделать промежуточное замечание: инициатива «оживления» отношений с СССР принадлежала немецкой стороне и имела сугубо прикладное назначение — облегчить продвижение на совсем других направлениях, враждебных Советскому Союзу.

Кочующее из публикации в публикацию утверждение, будто советско-германский диалог открылся отчетным докладом Сталина на XVIII партийном съезде (10 марта 1939 г.) или, вернее, двумя его тезисами: «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами», «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками», — легенда. Ни в германском посольстве в Москве, ни в берлинском МИДе эти тезисы не привлекли особого внимания.

Осталась без комментариев также констатация докладчика: «война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше 500 млн населения, распространив сферу действия на громадную территорию от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара; новая империалистическая война стала фактом... На наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния». Одновременно оговаривалось, что «неагрессивные демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении». Если не вырывать из контекста отдельные куски, не сложно установить, какой адрес был для СССР на тот момент предпочтительней.

Возможно поэтому, или алогизмы бытия так повели, первыми среагировали на доклад Сталина англичане. 18 марта 1939 г. Галифакс известил И. Майского и в тот же день британский посол Сидс М. Литвинова о давлении Германии на Румынию и поинтересовался, не собирается ли СССР что-либо предпринимать в случае нацистской агрессии. Начались затяжные англо-советские, чуть позднее — англо-франко-советские контакты и переговоры.

Германские правители повторно вытащили из колоды «русскую карту» после того, как англичане упредили заготовленный Ю. Беком финт, по-видимому, обговоренный с Берлином, — министр намекался в ходе визита в Великобританию объявить, что доверие к Парижу и Лондону утрачено и Варшава переключается на сотрудничество с рейхом. Кабинет Чемберлена 30 марта 1939 г., еще до прибытия Бека, опубликовал одностороннее заявление о готовности защитить Польшу, если она подвергнется нападению. Неделью спустя заявление превратилось в польско-британский договор о взаимопомощи «на случай любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон». Сходные заверения Лондон дал вслед за тем Румынии и Греции.

Мотив прилива решимости Альбиона — «не защита отдельных стран, которые могли оказаться под германской угрозой, а стремление предотвратить установление германского господства над континентом, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей (британской) безопасности» (протокол заседания правительства Великобритании). Постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган тридцатью годами позже признавал: Чемберлен «поставил себе дорожный знак. Он связал себя обязательствами, и в случае германского нападения на Польшу больше не могло быть мучительных сомнений и колебаний». Гарантии являлись, по выражению Кадогана, «ужасной игрой», ибо Лондон, как и Париж, не собирался воевать за Польшу в поле.

Британские военные руководители доказывали, что «без немедленной эффективной помощи со стороны России поляки смогут противостоять германскому наступлению ограниченное время... Заклю-

ние договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны... Напротив, при срыве переговоров с русскими возможно сближение между Россией и Германией». В чемберленовском табеле ценностей идеологическая чистота стояла выше военных предостережений и выгод.

На смену британских дорожных знаков Гитлер отвечал приказом готовить вторжение в Польшу. 3 апреля В. Кейтель поставил перед командующими вооруженными силами задачу — приступить к реализации плана «Вайс» так, чтобы операция могла начаться в «любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.». Десять дней спустя Гитлер утвердил окончательный вариант плана:

«Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в данном случае, то есть ограничить войну боевыми действиями с Польшей.

Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли бы привести к созданию такого положения.

Вмешательство России, если бы она была на него способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, т. к. означало бы ее уничтожение большевизмом.

Позиция лимитрофов (прибалты и Финляндия) будет определяться исключительно военными требованиями Германии.

Немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим».

Замечаем — 11 апреля Гитлер числил СССР среди противников. И тем не менее в середине апреля германским дипломатам давалась инструкция: при первом подходящем случае заняться тем, что фюрер назвал «инсценировкой в германо-русских отношениях нового рапальского этапа». Повод дало обращение А. Мерекалова в МИД Германии с протестом ввиду чинившихся немецким командованием в Чехословакии препятствий выполнению фирмой «Шкода» советских заказов, выданных ей в апреле — июне 1938 года. До этого, еще 18 марта 1939 г., советская сторона зафиксировала, что не признает актов, объявлявших Чехословацкое государство несуществующим, а оккупацию Чехии германскими войсками и последующие действия Берлина квалифицировала как «произвольные, насильственные и агрессивные», нарушающие политическую устойчивость в Средней Европе и увеличивающие тревогу среди народов.

Статс-секретарь Э. Вайцеккер принял советского посла 17 апреля. А. Мерекалов не отразил в телеграмме в Москву концептуальные особенности речений собеседника. Между тем Э. Вайцеккер, согласно немецкой записи беседы, установил взаимозависимость экономического обмена и тона политический отношений. Он дал понять, что Советскому Союзу не удастся выстраивать равные отношения с Германией и Англией, «ответственной за напряженность в Европе».

Через месяц советник МИД Германии К. Шнурре известил советского поверенного в делах Г. Астахова (Мерекалов был снят с дистанции), что Берлин «положительно изучит» возможность оставления в силе на территории «протекторатов Богемии и Моравии» положений советско-чехословацкого торгового договора 1935 года. 20 мая немцы подняли уровень контактов. Посол Ф. Шуленбург запросился на прием к В. М. Молотову, возглавившему Наркомат иностранных дел. Молотов обошелся с послом жестко, приписав немцам желание использовать экономические переговоры в недостойных играх. «Полная сдержанность» — постановили в Берлине, пока русские сами не подадут сигнал. Москва безмолвствовала. Следующий шаг опять исходил от немцев.

30 мая Э. Вайцзеккер пригласил Г. Астахова. МИД Германии, заявил статс-секретарь, вступил в контакт с советской стороной по распоряжению фюрера и действует под его наблюдением. «России, — продолжал Вайцзеккер, — предоставляется в немецкой политической лавке весьма разнообразный выбор — от нормализации отношений до непримиримой вражды». В своем дневнике он отразил атмосферу встречи в словах: «Германия вносит инициативные предложения и наталкивается на недоверие русских». В тот же день до Шуленбурга была доведена новая тактическая схема розыгрыша «русской карты» — за исходную точку контактов выдавалось ходатайство о предоставлении торгпредству в Праге статуса филиала торгпредства СССР в Берлине. Поскольку это тянуло за собой ряд принципиальных моментов, в рассмотрение советской просьбы включился имперский министр иностранных дел, нормализация отношений увязывается с наличием обоюдной заинтересованности.

В мае–июне 1939 г. на роль посредника между Германией и СССР вышел итальянский министр иностранных дел Г. Чиано. Он первым делом подсыпал сомнений в искренности Лондона: «Англия будет тянуть с (англо-франко-советскими) переговорами, и может настать момент, когда будет уже поздно и вы сами не захотите торопиться со вступлением в коалицию». Он выразил полную поддержку «плану Шуленбурга», который агитировал свое правительство встать на путь решительного улучшения отношений с СССР и для этого рекомендовал: (1) оказать содействие урегулированию японо-советских отношений и ликвидации пограничных конфликтов; (2) предложить Москве заключить пакт о ненападении или вместе гарантировать независимость Прибалтийских стран; (3) прийти к широкому торговому соглашению.

28 июня Шуленбург запросился на визит к Молотову, чтобы «поделиться впечатлениями» от своей поездки в Берлин. Посол пространно говорил об отсутствии у Германии «злых побуждений» и сослался, в частности, на тот факт, что она не аннулировала Берлинский договор о нейтралитете. «Германское правительство, — акцентировал Шуленбург, — желает не только нормализации, но и улучшения отно-

шений с СССР», заметив, что это заявление он делает по поручению Риббентропа и оно «одобрено Гитлером». После доклада в центр о встрече с Молотовым Шуленбург получил указание: «сказано достаточно», впредь до поступления новых инструкций от политических бесед воздерживаться.

Наступила пауза продолжительностью около месяца. Паузы в политике — понятие условное. Берлин отнюдь не бездействовал — ни в июле, ни раньше, ни позже. Велись интенсивные переговоры с японцами и итальянцами о военном союзе, с англичанами о сбалансировании региональных и глобальных интересов. Риббентроп сделал Варшаве предложение: образовать германо-польский альянс для «совместного подавления Советской России» и отторжения Украины, подлежавшей полюбовному разделу. Польские правители жались. Чемберлен и Галифакс подбивали их к «мирному решению» проблемы Данцига и коридора, но вместе с тем советовали не бросаться в объятия рейха.

Клубок запутаннейший: Лондон занят обменом мнениями с японцами и немцами, с французами и поляками, с греками и турками, с американцами и русскими; Берлин перетягивает канат с англичанами, играет в кошки-мышки с поляками, ищет способы теснее привязать к себе японцев, не подчиняя собственные планы стратегии Токио; Вашингтон в позе сфинкса; Москва выясняет отношения с англичанами и французами, переполнена недоверия к немецким послам, одной ногой в войне с Японией. Как все решится?

На май–август 1939 г. пришелся пик событий на реке Халхин-Гол. В развернувшихся кровопролитных сражениях участвовали с обеих сторон десятки тысяч солдат при поддержке крупных сил авиации и танков. Потери в живой силе сравнимы или превышают число убитых и раненых при захвате нацистами Польши. Не случайно, что развитие ситуации на Халхин-Голе скрупулезно калькулировались в кратко- и среднесрочных планах агрессивных держав и их умиротворителей.

Германский посол в Токио Э. Отт телеграфировал 7 июня 1939 г. Э. Вайцзеккеру: «Вечером 5 июня послу Осиме (японский посол в Берлине) направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна быть готовой автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии». Аналогичного обязательства японцы на основе взаимности ожидали от немцев. Сообщение Отта дополнил Р. Зорге в донесении Генеральному штабу РККА 24 июня: в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против Советского Союза; в случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Токио также в автомате присоединяется к Германии и Италии; если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), Япония будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия против англичан и французов начнет в зависи-

мости от общей обстановки. Если, однако, интересы «тройственного союза» потребуют этого, то Япония вступит в войну немедленно.

Доступные материалы показывают, что формула автоматизма смущала Берлин. От Токио зависело, как ранжировать те же события на Халхин-Голе: продолжать выдавать их за «инцидент», вызванный «неясностью» прохождения границы, либо поднять ставки и союзническую помощь СССР Монголии превратить в казус бelligeris и для Германии. Кроме прочего, немцы держались не слишком высокого мнения о военном потенциале Японии. С другой стороны, на испытательный стенд выносился антикоминтерновский пакт. Гитлер решил — ставить японских «друзей» перед свершившимися фактами, вынуждая Токио примериваться к берлинской стратегии.

Переключивания дат в политике случаются. Досадные и даже роковые. Но «соглашение Арита — Крейги», под этим названием в международную летопись занесено совместное заявление правительств Великобритании и Японии от 24 июля 1939 г., к хронологическим курьезам никак не причислишь.

В разгар сражений на Халхин-Голе с неясным прогнозом и на фоне англо-франко-советских переговоров, имевших официальным назначением возведение заслона агрессорам, Лондон освящал захватническую политику Токио. Британское правительство, записано в «соглашении Арита — Крейги», «полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные широкомасштабные действия, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им или выгодные их противнику. Правительство Его Величества не имеет намерения поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей».

Странное соглашение. Не по форме единой. Лондон брал всецело сторону Японии в ее агрессии против Китая. Или Крейги делал какие-то оговорки, а Арита, идя на встречные подвижки, дал некоторые заверения? В тексте об этом ни слова. Может быть, существовало секретное приложение? Те, кому повесть, узнают об этом после 2017–2020 гг.

О «специальных нуждах» японских вооруженных сил в Китае, способах их «обеспечения» и «устранения причин», мешающих названным силам добиваться своих целей, будет написано еще много книг. Здесь же надобно отметить следующее. «Полное признание нынешнего (на 1939 г.) положения в Китае» было тождественно признанию японского начертания внешних китайских границ. Соглашение могло читаться так, что британская сторона перенимала японскую версию «инцидента» на Халхин-Голе, по ко-

торой не Квантунская армия вторглась в Монголию, а монгольский персонал при поддержке советских вооруженных сил отхватил часть территории Китая.

Отсутствие официальной реакции Лондона на нападение 11 мая 1939 г. регулярных японских войск на монгольские погранзаставы в районе озера Буир-Нур, сочлененное с попытками английской агентуры поднять восстание в Синьцзяне, через который шел основной поток советской помощи Китаю, как и двусмысленная позиция госдепартамента США, наводили на грустные размышления. Токио явно приглашали круче заворачивать на север и тем сделать привлекательней в глазах Гитлера «дранг нах остен».

Июльскую паузу заполняли встречи и контакты доверенных представителей британского и германского руководства. Порядочный шум после разоблачений в прессе вызвали переговоры нацистского чиновника по особым поручениям К. Вольтата с советником премьера Г. Вильсоном и министром внешней торговли Англии Р. Хадсоном. Перед Вольтатом была развернута обширная программа сотрудничества по политическим, военным и экономическим «пунктам», одобренная Чемберленом. Премьер предлагал Вольтату личную встречу, от которой немец уклонился со ссылкой на отсутствие у него полномочий.

Англичане предлагали совместный отказ от агрессии как таковой и взаимное невмешательство в дела, соответственно, Британского Содружества и «великой Германии». В военной сфере Лондон интересовало уточнение параметров гонки вооружений на море, суше и в воздухе. Экономическое сотрудничество могло бы включать образование «интернациональной колониальной зоны» в Африке, открытие источников сырья и рынков сбыта для немецкой промышленности, урегулирование проблем международной задолженности, финансовое содействие «санированию» Германией Восточной и Юго-Восточной Европы. Хадсон обещал рейху «международный займ» до 1 млрд фунтов стерлингов.

Конечная цель виделась в «англо-германской договоренности по всем важным вопросам», которая позволила бы Англии освободиться от обязательств по отношению к Польше и Румынии.

Вильсон заверил собеседника в готовности Лондона принять к рассмотрению другие вопросы, интересующие немцев. Согласие Гитлера на переговоры, заключал британец, рассматривалось бы как «признак восстановления доверия».

Не нужно растрового микроскопа, чтобы распознать меру двоедушия официального Лондона. Причем не только при ведении дел с СССР, но также с французами, американцами и поляками. До «совместной англо-германской политики» не дотянули. Гитлер, похоже, счел, что железо разогрето недостаточно, чтобы заняться его фасонной ковкой, и в третий раз упустил случай сорвать банк. В ноябре 1937 г. Галифакс подводил его к «генеральному урегулированию». В сентябре 1938 г. Чемберлен

направивался на исторический союз двух империй. Предложения Вильсона летом 1939 г. имели поддержку консервативного большинства в палате общин.

Восстановим хронологию — она красноречивей парадных слов. 8–21 июля Г. Вильсон, Р. Хадсон и видный консерватор Дж. Болл плели кружева с К. Вольгатом в расчете на скорый положительный ответ Берлина. 23 июля Галифакс известил советского посла Майского о готовности вступить в военные переговоры, не дожидаясь окончания переговоров политических, и обещал, что британская делегация сможет отправиться в Москву «через 7–10 дней».

Десять дней пролетели. Отзвука из Берлина на вильсоновскую «программу» все нет. Дабы выиграть время, англичане избирают грузопассажирский тиход — самый медленный из технически возможных способов доставки их представителей на переговоры в Москве. И чтобы немцы не заблудились в догадках, Вильсон приглашает к себе 3 августа посла Г. Дирксона, чтобы продолжить сопряжение позиций Британии и рейха. Из слов Вильсона, докладывая в Берлин посол, вытекало, что «возникшие за последние месяцы связи с другими государствами (контакты с СССР, Польшей и Румынией) являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией... Соглашение должно быть достигнуто между Германией и Англией; если бы это было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь Италию и Францию».

Из британских посул, полученных через Вольгата, Гитлер заключил: германо-польский конфликт не обернется большой войной. Англия останется в стороне. Для перестраховки он предпринял, тем не менее, необычный ход. 11 августа фюрер пригласил К. Буркхардта, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге, и попросил его о «доброй услуге» — помочь разъяснить Западу суть происходившего. «Все, что я предпринимаю, — подчеркнул он, — направлено против России; если Запад столь глуп и слеп, что не понимает этого, я буду вынужден сговориться с русскими, чтобы разбить Запад и затем после его поражения, собрав все силы, повернуться против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы никто, как в прошлую войну, не морил нас голодом».

Дотошные журналисты раскрыли секрет визита Буркхардта на Оберзальцберг и девальвировали его «миссию». Зачем Буркхардт понадобился Гитлеру? Однозначного объяснения этому нет. Едва ли случайно, однако сигнал, выданный через него Западу, приурочивался к началу тройственных военных переговоров в Москве. Надо было укрепить англичан в намерении уклониться от договоренностей с Москвой, сколько-нибудь связывавших им руки.

12–13 августа Гитлер выжидал, не аукнется ли афера Буркхардта чем-либо примечательным. 14 августа запас терпения иссяк, и нацистский предводитель

поставил Геринга, фельдмаршала Браухича и адмирала Редера в известность — решение атаковать Польшу самое позднее через две недели принято.

Информация, поступавшая к советскому руководству, позволяла ему быть в курсе многих заговоров и уловок. Вот совещание у Гитлера с высшим командным составом вермахта в декабре 1936 года. Нападению на Советский Союз должен предшествовать разгром Польши. Пару дней спустя сообщение об этом легло на стол Сталину. О решении 3 апреля 1939 г., активизировавшем план «Вайс», Кремлю доложили через десять дней. Утверждать, что наш диктатор знал все или почти все, было бы никому не нужным перебором. Еще меньше оснований говорить, что Сталин выводил свои суждения только из фактов. Зачастую его поступки оказывались противоположными тому, чего требовали факты. Наверное, это отличает всех политических деятелей в любой стране, наделенных чрезмерной и бесконтрольной властью.

Загишь после того, как 28 июня Риббентроп, по его выражению, «запустил блоху в ухо Сталину», было прервано 24 июля приглашением Г. Астахова в МИД Германии для ознакомления с точкой зрения правительства рейха на возможные этапы перестройки отношений двух стран. Глава дипломатического ведомства, сообщил Шнурре, представлял себе этот процесс так: сначала успешные торгово-кредитные переговоры, затем нормализация по линии прессы, культурных связей и т. п., наконец — политическое сближение. Германская сторона обеспокоена, что Молотов уклоняется от конкретного обмена мнениями с Шуленбургом, а советские представители в Берлине не отвечают на вопросы Вайцеккера, которыми «интересуется сам фюрер». Если Москва, закончил Шнурре, не готова к обмену мнениями на уровне руководителей, почему бы не попытаться сдвинуть процесс с мертвой точки «людям, менее высокопоставленным».

2 августа Астахова затребовал к себе Риббентроп. Министр настойчиво проводил мысль, что между Балтийским и Черным морем нет проблем, не поддающихся решению. «На Балтике, — по словам Риббентропа, — достаточно места для обеих стран, и русские интересы здесь не обязательно должны сталкиваться с немецкими. Что до Польши, то «Германия наблюдает за событиями внимательно и хладнокровно, но расплата за провокации последует в течение недели». Министр намекнул на желательность достижения взаимопонимания с Москвой в преддверии любого оборота. Он заметил также, что имеет «свою точку зрения на состояние советско-японских отношений» и не исключает здесь модус вивенди.

3 августа поверенного в делах опять вызвали в МИД. По заданию министра К. Шнурре «уточнил и дополнил» разговор, состоявшийся накануне. Если советская сторона желает улучшения отношений, то не может ли она назвать вопросы, которых хотела бы коснуться при обмене мнениями? Германская сторона готова сделать это. Высказывалась просьба уточнить,

кто с советской стороны мог бы быть уполномочен вести диалог. Предпочтительным местом проведения обмена мнениями был бы для немцев Берлин, поскольку данное направление политики в поле зрения лично Гитлера. Наконец, с учетом скорого объезда Риббентропа в летнюю резиденцию он рассчитывает хотя бы на подтверждение того, что Москва в принципе готова к переговорам.

О степени нетерпения Берлина свидетельствовало предписание Шуленбургу немедленно запроситься на прием к Молотову и сдублировать разговор Риббентропа с Астаховым. Встреча состоялась 3 августа. Как докладывал посол, внешне нарком держался свободней, однако и на сей раз не показал желания двигаться навстречу по существу. Реагируя на призыв посла не ворошить прошлого и подумать о нехоженных тропах, Молотов увязал возможность сделать это с получением удовлетворительных разъяснений по трем пунктам: антикоминтерновский пакт, поддержка Германией агрессивных действий Японии, попытки вытеснить СССР из международного сообщества. 4 августа Шуленбург телеграфировал в МИД Германии: СССР «преисполнен решимости договариваться с Англией и Францией».

Нелишне отметить: перед встречами с Риббентропом, Вайцзеккером или Шнурре Москва не оснащала Г. Астахова деловыми инструкциями. В. М. Молотов наставлял подчиненного, что тот поступает правильно, ограничиваясь выслушиванием заявлений собеседников и обещанием сообщить их содержание в Москву. Установлено три случая отсылки полпредству не слишком внятных, но все же ориентировок по проблематике улучшения отношений между СССР и Германией. 4 августа Астахову было сообщено: продолжение обмена мнениями об улучшении отношений желательно; что касается прочих пунктов, поднятых Риббентропом, то «многое будет зависеть от исхода ведущихся в Берлине торгово-кредитных переговоров».

4 августа из уст Шнурре впервые прозвучали слова «секретный протокол». Молотов сразу предостерег Астахова: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе», ибо «неудобно» создавать впечатление, что «договор, имеющий чисто кредитно-торговый характер... заключен в целях улучшения политических отношений. Это нелогично и, кроме того, это означало бы неуместное и непонятное забегание вперед».

Наконец, откликаясь на аналитическую записку Г. Астахова, в ней дипломат привлекал внимание к опасности вероломства Берлина и вместе с тем излагал свое видение «объектов», которые немцы собирались затрагивать в политическом диалоге, Молотов отстучал еще одну телеграмму: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве».

Германской стороне было невдомек, что на столь остром направлении, как противоборство двух диктатур, официальные лица в состоянии контактировать с кем-либо без помочей высшей инстанции. Правила рейха переносились на советские государственные институты. За словами Г. Астахова (или его уклонением от ответов) немецким собеседникам виделась режиссура Москвы, тогда как им в пору было задуматься, отчего А. Мерекалов отпал, едва начался марафон. Ведь в полпредстве он один, согласно верительным грамотам, обладал полномочиями без ссылок на поручения вещать за свою страну.

Из совокупности доступных документов следует: весной и летом 1939 г. Советский Союз впуская тратил время и силы на создание коалиции против агрессивных держав. При наличии минимума доброй воли договориться с «демократиями» было можно, и сравнительно быстро. Но Англия, читаем мы в дневнике Г. Икеса, министра внутренних дел рузвельтовской администрации, «лежала надежду, что ей удастся столкнуть Россию и Германию между собой, а самой выйти из воды сухой». Британское руководство нуждалось в видимости деловых переговоров с Москвой, чтобы мешать сближению СССР и Германии.

Кабинет Чемберлена, как отмечалось выше, отверг доводы начальников штабов трех родов войск Англии в пользу «солидного фронта внушительной силы против агрессии» с участием СССР. Позиция премьера была непреклонной: он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». Консерваторы сошлись на том, что прагматизм требует какое-то время поддерживать переговоры с Москвой и что для создания видимости движения стоит перейти от обмена нотами к дискуссиям за «круглым столом». Что касается Англии и Франции — на уровне послов. Приглашение, направленное советской стороной Галифаксу, лично включиться в переговоры Чемберлен отклонил с ремаркой: визит в Москву министра «был бы унижительным».

Посол Англии У. Сидс и выделенный ему на подмогу У. Стрэнг получили задание коротать время, создавая впечатление, будто Лондон за договоренность. 4 июля британский кабинет подтвердил: «Главная цель в переговорах с СССР — предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». На заседании кабинета 10 июля, рассматривавшем процедуру «технических» военных переговоров с советской стороной, Галифакс заявил: «Начавшись, военные переговоры не будут иметь большого успеха. Переговоры будут затягиваться, и в конечном счете каждая из сторон добьется от другой обязательств общего характера. Таким образом, мы выиграем время и извлечем максимум из ситуации, которой не можем сейчас избежать».

Канцлер казначейства, небезызвестный нам Дж. Саймон, держался еще циничней: «Нам важно обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить

России, что мы не обязаны вступать в войну, т. к. мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Иначе говоря, если не удастся перехитрить русских и придется подписывать какое-то соглашение, то его текст должен быть самым расплывчатым. Из слов Саймона напрашивался вывод, что по британской модели союзничества Лондон мог воздержаться от объявления войны рейху и в случае германской агрессии против Польши, удовлетворившись тем, что в военную пучину погрузился бы только Советский Союз.

Вопрос — что оставалось делать Москве, зная о хитросплетениях Чемберлена и его министров? Как держаться, доподлинно зная, с какими инструкциями, после долгого хождения по морям и посещения музеев Ленинграда, прибыл на военные переговоры в советскую столицу адмирал Дракс? Выданное главе британской делегации предписание гласило: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нас при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам». Провожая адмирала, Галифакс поручил ему «тянуть с переговорами возможно дольше». «Дольше» расшифровывалось — до конца сентября — начала октября, когда осенняя распутица и без государств-противников спутает планы Гитлера¹².

Война уже у порога. 7 августа к советскому руководству поступило донесение: «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши». К англичанам аналогичный сигнал попал день или два спустя. Предупреждения, ранее полученные Лондоном от советника германского посольства Т. Кордта и от итальянцев, обрели зловещую актуальность. Время для ворожбы истекло.

«Первые же 24 часа моего пребывания в Москве, — отмечал Дракс, — свидетельствовали, что Советы стремятся к достижению соглашения с нами». На встрече трех делегаций 15 августа начальник генштаба Б. Шапошников сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9–10 тыс. танков и 5–5,5 тыс. самолетов. Дракс докладывал в Лондон, что Советский Союз «не собирается придерживаться оборонительной тактики, которую нам предписывалось (ему) предлагать». В случае войны он намерен «принимать участие в наступательных операциях». Глава французской делегации генерал Ж. Думенк телеграфировал в Париж, что советские представители изложили план «весьма эффективной помощи, которую они полны решимости оказать нам». МИД Франции со своей стороны рекомендовал председателю правительства Э. Даладьё «поставить условием этих (англо-французских) гарантий Польше советскую поддержку, которую мы считаем необходимой».

Почему же за день до этих обнадеживающих — для непосвященных — оценок адмирал Дракс в кругу своих коллег изрек: «Я думаю, наша миссия закончилась»? Ответ, наверное, прост. «Демократы» не собирались сами дать Германии встречный бой, не удосужились в канун московских переговоров войти в контакт с Польшей на предмет ее сотрудничества с советской стороной и предоставления Виленского коридора на севере и Галицийского на юге, чтобы соединения Красной армии могли своевременно «непосредственно соприкоснуться с противником». Пришлось (по предложению Дракса) объявлять перерыв в переговорах до 21 августа, пока французы и англичане не обсудят с Польшей тему военного взаимодействия.

19 августа генерал Ф. Мюсс и британский военный атташе в Варшаве три часа полемизировали с начальником генштаба Польши Стахевичем, который, кроме площадных ругательств в адрес СССР и его лидера, не придумал, что сказать. Доклад Мюсса побудил МИД Франции предъявить Беку ультиматум, после чего во второй половине дня 23 августа Варшава уполномочила главу французской военной миссии в Москве генерала Думенка заявить К. Ворошилову: «Мы убедились, что в случае совместной акции против германской агрессии не исключено (или возможно) сотрудничество между Польшей и СССР на подлежащих более детальному определению условиях...». Телеграмма в посольство Франции в Москве поступила утром 24 августа. Пакт о ненападении между СССР и Германией уже был подписан.

Превратимся на мгновение в сверхоптимистов и возьмем за данность: Варшава спустилась с облаков на земную твердь и приняла бы советскую помощь. Как в реальности выглядела бы координация действий трех держав?

Советские военные предлагали, применительно к развитию ситуации, выставить против агрессора мощную группировку до 70–100% от уровня сил, выделяемых Англией и Францией. Войска трех держав должны были бы быть готовыми к сражению начиная с 15–16-го дня объявленной мобилизации. А если бы англичане и французы ничего не отряжали и месяц, другой, третий избегали соприкосновения с агрессором?

Допустим, делегациям Англии и Франции не удалось бы уклониться от фиксирования в конвенции потребного количества контингентов, а также районов и сроков введения их в действие. Как они выполнили бы подобные обязательства, если совершенно не готовились к этому? Московские переговоры не сопровождались проработкой в штабах Англии и Франции конкретных аспектов оперативного и стратегического взаимодействия с командованием РККА. В прикидках «демократий» не исключалось восточное издание ведения ими «странной войны» при германо-советском вооруженном столкновении.

Догадывались ли в Лондоне и Париже, что для Гитлера летом 1939 г. критически важным было отнюдь не заключение с СССР пакта о ненападении, но срыв договоренностей трех держав о военном союзе? В отсутствие договоренностей Англии и Франции с Москвой, заявлял Гитлер, «я смогу разбить Польшу без опасности конфликта с Западом». Не случайно он ринулся в польский поход без скомпонованных планов операций на западном фронте.

19 августа Риббентроп передал итальянскому послу Аттолико ответ на поступившее накануне послание Муссолини, которым германский союзник ставился в известность — Италия не готова к европейской войне. В ответе было спрессовано кредо Гитлера:

- решение напасть на Польшу принято и пересмотру не подлежит;
- польский конфликт останется локальным событием, поскольку Англия и Франция не рискнут напасть на «ось»;
- если эти державы все-таки окажут военную поддержку Польше, то для «оси» вряд ли представится лучшая возможность, чтобы свести счеты;
- война, если даже она разрастется, будет ввиду превосходства «оси» скоротечной.

Германо-советский обмен мнениями обрел осязаемые контуры 15 августа. Но пока это диалог, а не переговоры. Окончательный выбор Москвой не сделан, несмотря на сверхнадежные доказательства того, что Англия и Франция не созрели для сдерживания совместно с СССР агрессора. Больше того, из перехватывавшихся спецслужбами подлинных материалов вытекало — западные державы намерены устроить «второй Мюнхен», опять без СССР и всецело против него.

Наряду с Г. Вильсоном, не щадя себя, трудился на англогерманское согласие британский посол в Берлине Н. Гендерсон. Ему ассистировали швейцарские, шведские, американские представители. Согласно заметкам Буркхардта, 11 августа Гитлер выражал готовность немедленно встретиться с британским деятелем «формата Галифакса». В качестве подходящего партнера он назвал маршала Айронсайда и просил Буркхардта известить об этом Лондон.

Не к чему отрицать, что выпадение Советского Союза как реального противника Германии, по каким бы причинам оно ни произошло, облегчило Гитлеру его предприятие против Польши. Вместе с тем утверждение, что без договора о ненападении с СССР фюрер перевоплотился бы в агнца, было бы еще большим насилием над истиной. Непредсказуемость — вот что должны были излучать из Москвы вовне тройственные переговоры. Оба, Гитлер и Чемберлен, ставили на выигрыш недель и дней. Но каждого из них непредсказуемость устраивала по-разному. Премьер жаждал осенней слякоти в надежде, что погода ниспошлет Лондону шанс уладить семейные дразги с Германией. Фюрера британские маневры устраивали по совсем иным мотивам.

Затягивание тройственных переговоров, игнорируя «час икс», исключало действенные контрмеры Англии, Франции, СССР в решающие первые часы войны. Как встретили бы агрессию три державы, продолжай свои московские сидения до рокового 1 сентября? Во «всеоружии» планов, отводивших на бумаге 15–16 дней для мобилизации, прежде чем их армии выдвинутся навстречу противнику. Видно, переговорщики запамятовали, в каком веке собрались воевать, а позже не могли взять в толк, как Польша с почти миллионной армией рухнула за 17–18 дней.

Идем дальше. Подписание «демократами» военной конвенции с СССР не переиначило бы «странной» войны на Западе, даже провозгласи англичане войну Германии. В любом случае Англия и Франция не сторели бы от желания схватиться с «главным противником», а Третий рейх ответил бы им взаимностью. Совсем в другом положении оказался бы Советский Союз. Вермахт, охваченный эйфорией легко доставшейся победы, выкатился бы на границу, куда менее благоприятную для обороны СССР, чем та, с которой отправлялись в походы Пилсудский на Киев и Москву в 1921 г. и нацисты в 1941 году.

Это не все. План «Вайс» предусматривал, что одновременно или вслед за Польшей немцы возьмут под контроль Литву и Латвию «до границ старой Курляндии». Установку на «решение балтийской проблемы» Гитлер подтвердил 23 мая при встрече с командованием вооруженных сил рейха. На сей счет была припасена юридическая зацепка. Германские договоры о ненападении с Эстонией и Литвой содержали секретную статью. Она обязывала Таллинн и Каунас «по согласованию с Германией и в соответствии с ее советами осуществлять по отношению к Советской России все военные меры безопасности». Эстонское и литовское правительства признавали, что угроза нападения исходит только от Советского Союза и что реальная политика нейтралитета требует от них создания надежной обороны против этой угрозы. Там, где для этого не хватает собственных средств, им поможет Германия. Была поставлена задача не допустить, чтобы зона Балтийского моря превратилась в плацдарм наступления третьих стран, и подготовиться, чтобы в случае конфликта страны этой зоны могли противодействовать попыткам окружения до прибытия немецкой помощи¹³.

Таким образом, назвавшись в 1939 г. союзником Англии, Франции и Польши, СССР принял бы на себя все невзгоды как собственной, так и чужой неподготовленности к военному противоборству с Третьим рейхом.

Предположим, Гитлер не полез бы с ходу на рожон и выдернул стоп-кран вблизи советской границы. Кто, однако, будучи в здравом рассудке, поручился бы, что Япония не удесятерит усилий, чтобы перевести на местность навязчивую идею одновременного удара по Советскому Союзу с востока и запада, что экстремистам не удалось бы умерить

влияние на формирование курса Токио министра иностранных дел Х. Ариты, оппонента чрезмерной воинственности по отношению к СССР, и переубедить командование ВМС, бравших южный азимут за приоритетное направление? И не только в отместку за унижение на Халхин-Голе. По документальным данным, установление контроля над Китаем слыло в японской стратегии за промежуточный этап к решительной схватке с северным соседом. Токио втягивал в свою антисоветскую авантюру, наряду с англичанами, также Вашингтон. 30 июня 1939 г. Рузвельт сообщил советскому полпреду Уманскому, что японская сторона предложила ему на будущее совместную японо-американскую эксплуатацию богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала.

Даже после подписания германо-советского пакта о ненападении глава «умиротворения» не закрылась. Планы, никак не облегчавшие Советскому Союзу жизнь, Альбион еще не исчерпал. Вчитайтесь в заявление Н. Чемберлена на заседании кабинета 26 августа 1939 г.: «Если Великобритания оставит г-на Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас». Для тори все упиралось в цену, не в принципы.

Профилирующей заботой советского лидера было — не очутиться один на один с агрессором, а то и с двумя кряду, отсрочить час свидания с истиной. В 1937–1938 гг. он обезглавил вооруженные силы страны. Были уничтожены трое из пяти маршалов, 11 заместителей наркома обороны, 75 из 80 членов Высшего военного совета, 14 из 16 командующих армиями, 60 из 67 комкоров, 136 из 199 дивизионных и 221 из 397 бригадных командиров. Воевать, тем более за других, он не мог, если бы даже захотел. Некому было вести рать.

В начале августа Москва уже примеривалась к соглашениям типа Берлинского договора 1926 г. как альтернативе полудоговоренностям с англичанами и французами. По-видимому, не будет перебором констатация: слова участников московских военных переговоров замещали дефицит искренности и веры в способность их руководителей извлечь из стога плевел жемчужное зерно. Суэта вокруг переговоров должна была поубавить заносчивость и спесь у четвертого актера мизансцены, незримо присутствовавшего в зале, — у Германии.

Как обернулось бы развитие событий, отвергни Сталин настоятельную просьбу Гитлера безотлагательно принять в Москве Риббентропа? Письмо фюрера было вручено Молотову Шуленбургом в 15:00 21 августа 1939 года. Ответ Сталина посол получил из рук наркома в 17 часов того же дня. Почему передача в Берлин 14 строк русского текста и доведение их до адресата заняли около 9 часов — загадка. Или умысел? Если умысел, то чей?

Гитлер не позже 22 августа был извещен о приглашении Геринга на встречу с Чемберленом и Галифаксом. Ее организацией, дабы избежать огласки,

занимался непосредственно шеф британской разведки. 23 августа англичане ввели в игру козырную карту — предложили созвать «конференцию четырех на высшем уровне». На ней в отсутствие СССР и Польши собирались все уладить. Предложение, направленное по неофициальному каналу, подкреплялось посланием Чемберлена. Премьер умолял Гитлера «не совершать непоправимого».

С 21 августа на взлетной полосе Темпельхофа стояли «локхид-12а» британских спецслужб, который должен был доставить Геринга на тайную встречу с Чемберленом и Галифаксом, и личный «юнкерс» фюрера, выделенный Риббентропу для полета в советскую столицу. Кто первым ляжет на крыло, какой курс — на Лондон или Москву — будет взят? От этого зависел маршрут, каким пойдут дальше Европа и с нею остальной мир.

Принимаем к сведению: переговоры имперского министра иностранных дел в Москве не начинались, никто, естественно, не мог поручиться, что стороны найдут общий язык. Самолет с Риббентропом на борту еще только добирался до столичного аэродрома. Не без приключений. В районе Великих Лук его обстреляли средства ПВО. Повезло, не сбили. Скептикам волей-неволей придется признать, что решение воевать и установление первоначальной даты нанесения удара по Польше (26 августа) Берлин принял не после, а до встречи Риббентропа со Сталиным и Молотовым, до подписания договора о ненападении со всеми приложениями. Обычные «неточности» и опущения при воспроизведении последовательности событий здесь не вкрадываются, а преднамеренно вкрадываются и способом мультиплицирования обретают некое подобие фактов.

Давался ли Советскому Союзу в августе 1939 г. выбор меньшего зла — эрзац-договору о ненападении с Германией? Самое позднее после бесед Стахевича с генералом Мюссом не осталось надежды на успех московских военных переговоров. Могла ли пролонгация Берлинского договора 1926 г. заместить пакт о ненападении? Теоретически да, хотя отказ от насилия во взаимных отношениях сам по себе не являлся чем-то предосудительным. Чистота позиции Москвы, бесспорно, выиграла бы, найди в тексте договора от 23 августа отражение норма, освобождающая стороны от принятых обязательств в случае совершения одной из них агрессии против третьего государства. Впрочем, в ту пору и позже имелось вдоволь прецедентов, когда подобная оговорка не употреблялась, и это не порождало кривотолков. К примеру, англо-германская декларация от 30 сентября 1938 года.

Шок, вызванный разглашением сокровенных державных тайн большевиками и эсерами после 1917 г., давным-давно преодолен. Секретные приложения (протоколы, дополнительные статьи, обмен письмами, нотами и т. д.) к соглашениям и договорам разного профиля — в практике государств и поныне. Польские, литовские, эстонские договоренности

с Германией, о японских или итальянских и говорить нечего, лишнее сему подтверждение. Предполагалось, что англо-франко-советская конвенция о взаимопомощи будет снабжена дополнительным, не подлежащим оглашению протоколом. Следовательно, секретный протокол, приложенный к советско-германскому договору о ненападении ни по методу его составления, ни по содержанию не нарушал обычного международного права. Как отмечалось в постановлении Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1988 г.), он был «отходом от ленинских принципов советской внешней политики». Разница есть.

Разграничение «сфер интересов» в принципе нельзя безоговорочно зачислять в крамолу. В точном прочтении оно должно толковаться как определение рубежа, преступление которого обнуляет весь пакет договоренностей. Если держаться буквы, употребленной в августе—сентябре 1939 г., то выводом Литвы, Латвии и Эстонии из-под германской опеки их независимость не ущемлялась. Перемены 1940 г. протоколами не покрывались, ибо не предугадывались.

Непросто достоверно реконструировать переговоры Риббентропа со Сталиным и Молотовым 23–24 августа. Лучше других это пока получилось у профессора Ингеборги Фляйшхауэр. Но колючих вопросов, ждущих скрупулезного разбора, все равно в избытке. «Экономное мышление» с тягой к смене знака плюс на минус в зависимости от поветрий мало что меняет к лучшему. Прежде метили в идеологического противника. Теперь издержки, вроде бы, не с кем делить, а те же «демократы» никого не подпускают к архивным тайникам. Очевидно, запечатленным в документах порокам и по прошествии многих десятилетий не найти извинений.

Объективному исследователю кое-что скажет речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 года. «Решение о заключении договора о ненападении между СССР и Германией, — говорил председатель СНК, он же нарком иностранных дел, — было принято после того, как военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик. Поскольку эти переговоры показали, что на заключение пакта о взаимопомощи нет основания рассчитывать, мы не могли не поставить перед собой вопроса о других возможностях обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР». Смысл договора от 23 августа Молотов подавал так: «СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии».

В мировой практике редко случается, чтобы достоинства одного партнера публично выводились из недостатков другого, а целесообразность введения в силу конкретного юридического акта обосновывалась безрезультатностью попыток прийти к оптимальному решению с кем-то еще. Не подвернулись более удачные выражения? Или Лондону и Парижу адресовался завуалированный намек: исправляйтесь, а там посмотрим?

Обычно опускается, что советская сторона после подписания договора пыталась сохранить контакты с Лондоном и Парижем. Молотов заявил французскому послу Наджиару: «Договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом». Однако официальные и официозные сигналы из Москвы, рекомендовавшие «демократам» не рубить швартовы, оставались без внимания. Англичане и французы демонстративно отворачивались от вчерашнего партнера по переговорам. Зато на порядок возросла тяга тори к нахождению консенсуса с нацистами.

На британский призыв «не совершать непоправимого» Гитлер ответил предложением (передано через посла Гендерсона 25 августа) войти в пару на следующих условиях:

- а) возвращение Данцига и польского коридора в состав рейха;
- б) германские гарантии новых польских границ;
- в) достижение соглашения о бывших германских колониях;
- г) отказ от изменения германских границ на западе;
- д) ограничение вооружений.

В свою очередь рейх обязался бы защищать Британскую империю от любых внешних посягательств.

Перед нами своеобразный сплав из домогательств Берлина к полякам, озвученных в октябре 1938 — январе 1939 г., и соображений англичан, доводившихся до сведения Гитлера через Г. Вильсона в июле — августе 1939 года. Изложенное выше фюрер снабдил примечанием: ничего страшного не произойдет, объяви англичане из соображений престижа «показную войну». Гроза послужит лишь очищению атмосферы. Надо только наперед проговорить ключевые элементы будущего примирения.

По окончании встречи с Гендерсоном Гитлер связался с Муссолини. Собеседованием с дуче он остался доволен и в 15:02 отдал приказ ввести в действие план «Вайс». Нападение на Польшу должно было свершиться на рассвете 26 августа. Однако все пошло через пень-колоду. Посольство Италии уведомило Берлин, что Рим к войне не готов. В 17:30 французский посол в Берлине предупредил — его страна выполнит обязательства перед Польшей. Около 18:00 Би-би-си выдала в эфир сообщение, что англо-польский союзный договор введен в силу. Гитлер еще не знал, что известие — Италия не примет участия в нападении на Польшу — было передано Лондону и Парижу раньше, чем союзнику.

Генерал Гальдер, начальник главного штаба вермахта, занес в дневник: «Гитлер в растерянности, слабая надежда, что путем переговоров с Англией можно пробить требования, отклоняемые поляками». Пока же В. Кейтель получил приказ тотчас остановить выход сил вторжения на означенные по плану «Вайс» рубежи, а начавшуюся передислокацию войск выдать за «учения».

Гитлер через шведа Далеруса отправляет 26 августа в Лондон предложение о полнокровном союзе: англичане помогут Германии вернуть Данциг и коридор, а рейх не поддержит ни одну страну — «ни Италию, ни Японию или Россию» в их враждебных действиях против Британской империи. Раньше Г. Вильсон от имени премьера Чемберлена манил Гитлера возможностью аннулирования гарантий, выданных Лондоном Польше и ряду других европейских стран. Теперь рейхсканцлер ставил на кон все, что наобещал и Риму, и Токио, и еще тепленький пакт с Москвой. В ночь на 28 августа посредник привез британский ответ. Английская сторона выражала заинтересованность в нахождении «решения» без уточнения его формы или содержания. 27 августа Чемберлен сообщил коллегам по кабинету, что он дал понять Далерусу: поляки могут согласиться на передачу Германии Данцига, хотя у премьера никаких консультаций на сей счет с поляками не проводилось.

В 22:30 того же дня посол Гендерсон известил Гитлера, что британский премьер разделяет желание канцлера «сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей» и готов принять его предложения от 25 августа «с некоторыми дополнениями в качестве тем для обсуждения». Переговоры могут состояться «быстро» и «с искренним желанием достичь соглашения» при том понимании, что Германия и Польша мирно уладят разногласия. Вручая Гитлеру послание Чемберлена, Гендерсон сказал: «Премьер-министр может довести до конца свою политику соглашения, но только если г-н Гитлер будет готов к сотрудничеству».

Фюрер слушал Гендерсона в пол-уха. За несколько часов до приема британского посла Гитлер самоопределился: вторжение в Польшу — 1 сентября.

На заседании британского правительства 26 августа Гендерсон проводил мысль: «Реальная ценность наших гарантий Польше в том, чтобы дать Польше возможность прийти к урегулированию с Германией». 30 августа, когда Германия сосредоточила 46 дивизий для удара по Польше, Галифакс отстаивал тезис, что «эта концентрация войск не является действенным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством».

Еще в конце июля Вашингтон сделал вывод, что настрой Чемберлена исключает выход на «альянс Россия — Англия — Франция», которому Рузвельт как будто сочувствовал, если верить его «устному посланию» советским руководителям (датировано 4 августа и передано послом США Стейнгардтом Молотову через 12 дней). Американцы были не хуже Лондона осведомлены о советско-германском сближении. Во всяком случае, они первыми проникли в тайну приложений к августовскому пакту о ненападении. По получении через Г. Герварта, сотрудника посольства Германии в Москве, сведений о разграничении сфер интересов между

участниками пакта президент занялся рассылкой обращений — к королю Италии (23 августа), к Гитлеру (24 и 26 августа), к полякам (25 августа). Содержание обращений перекликалось с американскими увещаниями, что за год до этого вздабривали почву для Мюнхенского сговора. 1 сентября Рузвельт призвал Гитлера вести войну умеренным способом, щадя мирное население.

Данные о том, какое впечатление произвели всплески американской активности на Гитлера, пока не вышли наружу. Не исключено, что они укрепили нацистов в намерении обходиться «сдержанно» с Англией и Францией в начальной фазе войны (директива № 2 Гитлера от 3 сентября 1939 г.).

2 сентября Г. Вильсон по поручению премьера известил германское посольство: рейх может обрести желаемое, если остановит военные действия против Польши. «Британское правительство готово (в этом случае) все забыть и начать переговоры». В планах Чемберлена не значилось силовое воздействие на Германию. Экономическое давление должно было вернуть «заблудших» на праведный путь — к формированию «новой Европы» с Англией и Германией в качестве ее опор. В письме Рузвельту 5 ноября 1939 г. Чемберлен выражал уверенность в скором окончании войны. Не потому, что Германия будет побеждена, а потому, что немцы поймут, что в войну можно обнищать.

Берлин не внял уговорам Альбиона. Гитлеру требовался не политический успех, но военный триумф. «Жизненное пространство» добывается мечом, а не по чьей-то милости. Для этого он, фюрер, должен безраздельно владеть инициативой, и благодаря ему Германия по праву сильнейшего перехватит жезл «умиротворителя». Возможно, с поблажками для «расово родственной Британии».

Чемберлену и Галифаксу тяжело давалось признание краха не только собственной политики, но несостоятельность всей стратегии правителей страны после Первой мировой. Под давлением палаты общин премьер объявил Германии войну. В тот же день войну объявил и Париж. Польско-германский конфликт разрастался до уровня мирового.

Первое аутентичное известие о перезагрузке советско-германских отношений японцы получили вечером 21 августа в телефонном разговоре Риббентропа с послом Осимой. Для завязавшегося на солидарность с рейхом руководства Японии это было потрясением. Оно деформировало антикоминтерновскую конструкцию. Вера Токио в стратегическое партнерство с Германией была подорвана неизлечимо. Правительство Хиранумы ушло в отставку. В платформе нового кабинета масштабная агрессия против СССР сдвигалась на неопределенное время. 16 сентября японцы официально уведомили Москву о прекращении ими военных действий в пределах Монголии. Н. Стариков усматривает взаимосвязь этой даты с днем

вступления советских войск в Западную Украину и Белоруссию — 17 сентября¹⁴.

Определенные основания так считать имеются. Факт остается фактом, что попытки немцев в несколько заходов (3, 8, 14 сентября) подтолкнуть советскую сторону выйти на линию размежевания советско-германских интересов, прочерченную в секретном протоколе, Москва отводила под разными предложениями. Советские представители подчеркивали, что если соединения Красной Армии будут задействованы, это произойдет с политической, но не с военной мотивировкой¹⁵.

Последнее никак не было лишним. В критическую для будущих отношений неделю 17–24 сентября Рузвельт и его госсекретарь Хэлл определились: переход советскими войсками восточной границы Польши, установленной Рижским мирным договором 1921 г., не следует квалифицировать как акт войны. По соображениям долговременного порядка на СССР не были распространены требования эмбарго, предусмотренные законом о нейтралитете в части продаж оружия и военных материалов. С 5 сентября запреты и ограничения такого рода применялись строго (на

бумаге) к Германии и формально (подвешены заказы) к Англии и Франции.

Лондон и Париж не враз условились, как квалифицировать пересечение Красной Армией границы 1922 года. Розыску взвешенного суждения помогло исправление наскоро прочерченного 23 августа водораздела «сфер интересов». Новым секретным протоколом от 28 сентября за эталон бралась «линия Керзона», проведенная в декабре 1919 г. верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

Ратифицировав без 5 минут 12 пакт о ненападении с Германией, СССР избежал 1 сентября 1939 г. быть ввергнутым в омут без дна. Ничего утешительного, однако, новый военно-политический ландшафт Москве не сулил. Даже в среднесрочной перспективе. Не совсем утраченная свобода маневрирования утасла прежде, чем удалось вкушать от ее плодов. Оставалось довольствоваться одним — драгоценным временем, жизненно необходимым для подготовки страны к грядущим испытаниям. В их роковой неизбежности не могло быть сомнений.

¹ К. Хэлл, госсекретарь США с 1933 по 1944 г., оставил потомкам наизидание: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей тридцатилетней войны». Хэлл не привязывает эту констатацию к конкретному событию или дате. Все говорит за то, что идея сепаратной сделки долго висела в воздухе, и камнем преткновения оказались устойчивость нацистского «нового порядка» и неудачи с покушениями на фюрера.

² В эскадрилье им. Костюшко, ею командовал полковник армии США Фаунтлерой, служили сплошь американские летчики.

³ Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Питер. 2008. С. 235–236.

⁴ Сведения, которые Э. Ганфштенгль воспроизвел в своих книгах «Мой друг Адольф, мой враг Гитлер» и «Гитлер. Потерянные годы», подтверждаются другими источниками.

⁵ Рейхсканцлер Папен умащивал Эррио в награду за списание репарационных обязательств немцев возможностью заключения «антикоммунистического договора», налаживания сотрудничества генеральных штабов, учреждения таможенного союза и пр.

⁶ В сентябре 1930 г. группа японских военных создала тайное «Общество цветения вишни». Его участники и покровители нацеливались на установление в стране военной диктатуры и развертывание во вне агрессии первоначально против Китая (захват Маньчжурии) и Монголии. Намеченный на 12 марта 1931 г. мятеж оказался излишним ввиду прихода к власти нового правительства, в котором ключевые посты оказались у генерала Минами и его сторонников, связанных с экстремистами.

⁷ Договор, подписанный 06.02.1922 г. представителями США, Англии, Японии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая, обязывал его участников не нарушить суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Поднебесной при соблюдении «равенства открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций» (принцип «открытых дверей»).

⁸ Подробнее см.: Морозов С. В. К вопросу о роли Японии в восточных планах Гитлера и Пилсудского. Сокращенный вариант исследования опубликован в «Международной жизни» № 1–2, 2007.

⁹ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 23.

¹⁰ Celowski B. Das Muenchener Abkommen. Stuttgart. 1958. S. 32.

¹¹ Знаковые подробности польской позиции сообщает С. В. Морозов в своем исследовании «Польско-чехословацкие отношения 1933–1939». М.: Издательство МГУ, 2004.

¹² Приведенные выше сведения о подходе Лондона к переговорам с СССР почерпнуты из рассекреченных протоколов заседаний британского кабинета и документов, добытых советской разведкой.

¹³ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 422.

¹⁴ Стариков Н. Указ. соч. С. 294–295.

¹⁵ Одна из редакций такой мотивировки гласила: «Дальнейшее продвижение германских войск побуждает заявить — Польша разваливается, СССР ввиду этого вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожают немцы». Сия редакция вызвала возмущение у Риббентропа.